
ОГОНЁК
№ 14 АПРЕЛЬ 1967
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Строительство головного сооружения оросительной системы на реке Вахш.

Фото М. Альперта, В. Шустова (АПН).

САЛОМ, ТОЧИ ЗДРАВСТВУЙ,

ЗДЕСЬ
РЕШАЕТСЯ
СУДЬБА
ВАХША

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

45-й год издания

№ 14 (2075)

2 АПРЕЛЯ 1967

КИСТОН !
ТАДЖИКИСТАН !

Земля ждет

Природа обошлась с Таджикистаном сурово: ущельям подарила бурные реки, а долинам плодородную землю и безводье.

В Яванской долине старики из века в век пророчествовали: «Придет время — и аллах услышит стон растрескавшейся от жары земли и мольбы людей о воде. Тогда разверзнутся горы, и вода хлынет в долины...» И верно: пришло время — и раздвинулись горы. Но сделал это не аллах, а Советская власть, героический труд свободных людей, руководимых партией коммунистов.

На предыдущих двух страницах — панорама строительства Яван-Оби-Киикской оросительной системы. Проект сооружения предусматривает орошение более 40 тысяч гектаров Яванской и Оби-Киикской долин. У поселка Бойпазы Вахш будет перекрыт плотиной высотой в шестьдесят метров, которая образуется в результате мощного направленного взрыва. Воды реки свернут в сторону и устремятся через тоннель длиной семь километров в Яванскую долину. Эта своеобразная водопроводная труба будет пропускать 6,5 миллиона кубических метров вахшской воды в сутки и напоит более 27 тысяч гектаров земли. Затем по магистральным каналам, дюкерам и акведукам и через второй, пятикилометровый, тоннель вода попадет в Оби-Киикскую долину и оросит там еще более 12 тысяч гектаров.

В Яванской и Оби-Киикской долинах люди готовятся к встрече с водой. Прокладываются шоссейные дороги, линии электропередач, водопровод, канализация. Строятся клубы, школы, ясли, жилые поселки в одиннадцати новых совхозах.

Готовится к встрече с водой и земля. Из магистральных каналов вода пройдет на поля по закрытым трубопроводам, а затем на поливные борозды через гибкие полиэтиленовые шланги.

Подземные трубы сэкономят влагу, не дадут воде испариться.

В ближайшие годы десятки тысяч гектаров отборного, тонковолокнистого хлопка даст обновленная земля.

Тысячи лет ждали воду люди и земля...

И вот настало оно, это время. Вода идет!

Ю. ДОКУЧАЕВ

Бейрут — столица Ливана. Фото Ю. Жукова.

В СТРАНЕ

Анатолий СОФРОНОВ

Зима в этом году в Ливане затянулась. Мы рассчитывали оказаться в тепле Средиземноморья, но еще в самолете стюардесса объявила:

— В Бейруте температура плюс четырнадцать.

Когда мы вышли из самолета и попали в объятия старых наших друзей, тоже оказавшихся в Бейруте, то, несмотря на сравнительно теплый воздух, почувствовали пронизывающий, сырой ветер. Над горами низко клубились свинцовые тучи. Может быть, в данном случае природа и не имела прямого отношения к делу, которое нас привело в Бейрут, но какой литератор откажется от описания обстановки, в которой происходит действие!

А действие в Бейруте уже происходило. Прилетели мы за день до открытия Третьей конференции писателей стран Азии и Африки. В Бейрут со всех концов двух великих континентов съезжались делегаты. Прошло более пяти лет со времени Второй афро-азиатской конференции писателей в Каире, на которой было решено о созыве конференции в Индонезии. Но конференция в Индонезии не состоялась из-за того, что центр писательского движения, расположенный на Цейлоне, в Коломбо, был фактически парализован китайскими раскольниками, купившими пронырливого журналистика Сенанаяке. А тот продал национальные интересы цейлонских писателей, а заодно и все остальное, что можно было продать.

Мне вспоминаются беседы с хорошими, честными писателями Цейлона в Каире. Они обращались к советским писателям с просьбой поддержать их предложение оставить бюро по связям писателей Африки и Азии на Цейлоне. Цейлонцы говорили, что они сделают все для того, чтобы Коломбо стал подлинным центром единства писателей двух континентов. Честно говоря, мы высказали тогда им свои сомнения по этому поводу: зловещие симптомы политических интриг, проводимых Сенанаяке и его китайскими покровителями, уже чувствовались.

Китайским раскольникам не удалось подмять под себя организацию, но в какой-то степени лишить ее возможности выполнения большого плана международных встреч удалось. Конечно, литература Азии и Африки не стояла на месте. За эти годы появилось много новых книг, в которых страстно изображалась борьба народов Африки и Азии с

4 апреля — национальный праздник венгерского народа — День освобождения

ПОД УЛИЦАМИ БУДАПЕШТА

Алексей ЧХЕИДЗЕ

империализмом и неоколониализмом. Большой вклад в эту литературу внесли и советские писатели, укрепившие свои творческие связи с писателями ОАР, Индии, Пакистана, Ливана, Алжира, Кении, Южной Африки, Анголы, Мозамбика, с писателями героического Вьетнама и многими другими. Потребность в таком творческом общении росла. Увеличивалось количество изданий. Можно привести хотя бы одну цифру: в Советском Союзе произведения писателей Азии и Африки изданы за эти годы тиражом более 100 миллионов экземпляров.

Можно, конечно, только сожалеть, что многие талантливые писатели Китая оказались в тягчайшем положении. Что они пишут? И пишут ли вообще? Где они? На эти вопросы никто ответить не может. Помнится, что на заседании бюро в Коломбо китайский представитель, говоря о достижениях китайской литературы, назвал только несколько стихотворений Мао Цзэ-дуна. И все. Вот уж поистине — и швец, и жнец, и в дуду игрец.

Политическая трескотня и демагогия давно уже заменили в Китае литературу и искусство. К чему это привело, мы стали свидетелями в последние годы... От так называемой «культурной революции» не пахнет ни культурой, ни революцией.

А теперь мы в Бейруте. Я бы сказал, в нормальной обстановке, какая и должна сопутствовать любой встрече литераторов. Конечно, трудно представить себе положение, при котором не было бы дискуссий... Если их нет, то какая же это будет литература? Большим вниманием пользуются советские писатели Сарвар Азимов, Мирзо Турсун-заде, Чингиз Айтматов, Расул Гамзатов, Евгений Евтушенко, Мирза Ибрагимов, Габит Мусрепов, Эдуард Топчан, Владимир Мачавариани, Борис Рюриков... Главное, что определяет встречи,— это желание проанализировать, что сделано афро-азиатскими литераторами за эти годы, наметить пути дальнейших контактов и творческих связей.

КЕДРОВ

Делегаты конференции почувствовали большое внимание хозяев — писателей и общественных деятелей Ливана.

И хотя Бейрут не балует нас хорошей погодой (временами кажется, что мы находимся в аквариуме: в большие стекла отеля «Интернациональ» хлещут ливни, а под окнами гудит, накатываясь на желтый берег и захлестывая асфальт шоссе, Средиземное море), все равно мы ощущаем тепло, внимание, а главное, огромную заинтересованность писателей в создании, именно в создании на новой основе организации писателей Азии и Африки.

На другой день после открытия конференции я беседовал с мексиканским писателем Фернандо Бенитесом.

— Это — большое событие,— сказал он.— Мы, писатели Латинской Америки, с удовольствием участвуем в качестве гостей в этой конференции. Мы надеемся, что скоро настанет время и писатели Латинской Америки также будут в организации. Нам нравится, что здесь говорят и о политике и о литературе.

Премьер-министр Ливана Рашид Караме во вступительной речи сказал:

— Ливан открывает свое сердце писателям Азии и Африки и принимает их в свои объятия. Писатели несут огромную ответственность перед народами двух континентов, ставших центром национального движения. Писательское слово летит через горы и моря. Конференция писателей в Ливане — это огромное международное событие. На этой конференции не будет стычек и столкновений, не будет злобы и отвратительных интриг. В наших руках находится судьба культур наших континентов.

Председателем конференции избран один из самых уважаемых общественных деятелей Ливана, председатель Ливанского комитета солидарности народов Азии и Африки Камаль Джумблат. Высокий, худой, с острым взглядом, он словно бы читает в глазах каждого, хорошо ли ему в Бейруте. Он много внес личных усилий, чтобы конференция была созвана и прошла успешно. В своей вступительной речи он говорил:

— Ливан издавна был местом, где встречались люди культуры. В древности здесь бывал Сократ. Ливан был окном в Арабский Восток и в Азию. Здесь встречается новое со старым, прошлое с настоящим. Мы всегда принимали и будем принимать участие в общечеловеческой борьбе. Свобода — самое ценное, что есть в этом мире. Мы должны осознать ценность свободы и ответственность писателя перед народом и самим собой.

На Западе некоторые люди думают, что наши народы не доросли до настоящей культуры. Но это неправда. У нас своя, древняя культура, и мы черпаем вдохновение в ней. Мы считаем, что должна быть взаимосвязь между культурами Запада и Востока. Мы должны знать, что делается во всем мире. Ценность мировой культуры должна принадлежать всем народам. Мы приветствуем писателей на земле кедров!

Старейший деятель движения афро-азиатской солидарности египетский писатель Юсеф эс-Сибаи в своем докладе говорил:

— Мы испытываем чувство величайшей ответственности. Мы знаем, что такое разрушенные деревни, знаем, что такое пушечное мясо, в которое хотят превратить нашу молодежь. Мы знаем, что такое исковерканные души молодежи.

На наших континентах идет героическая борьба за свободу, происходит огромный рост национального сознания. Колонизаторы с их вездесущей агентурой пытаются удержать наши народы в рабстве. Но мы боремся. Мы являемся свидетелями пробуждения наших литератур.

Мысли, высказанные Юсефом эс-Сибаи, поддержали многие делегаты конференции. Делегат Дагомеи сказал:

— Моя страна знала иностранное господство, но мы сопротивлялись. Против нас направляли все, использовали и чужой нам язык. Но верные мысли можно выражать на любом языке. И мы обязаны доносить свои мысли до народа. Писатель — политик по обязанности, по своей профессии. Писатель должен помогать развитию своего народа. Перо писателя сильнее атомной бомбы. Некоторые деятели объявляют коммунистом любого писателя, если он выступает в защиту своего народа. Ну что ж, если мы разделяем судьбу своего многострадального народа и нас так называют, мы согласны с этим. У нас немного возможностей в своей стране, но тем не менее добились того, что двадцать минут в неделю можем выступать по телевидению. Мы используем это время, чтобы пропагандировать произведения писателей Азии и Африки.

— Я не согласен с теми, кто называет империализм бумажным тигром. Это далеко не так,— говорит делегат Кении.— Он еще имеет много сил, и зубы у него острые. Он хамелеон, умеющий преображаться и надевать на себя любые маски. Но мы обязаны распознавать врага и бороться с ним. Я также не согласен с теми, кто утверждает, что есть какой-то особый, «африканский социализм». Социализм един, где бы он ни был. Писатели должны распространять идеи борьбы, идеи дружбы между народами.

Делегат с острова Маврикия сказал:

— Художественные произведения не должны являться развлекательным чтивом. Писатели должны поднимать на борьбу народы. Народы Азии и Африки показали, что им дорога свобода. Они вдохновлены идеями Великой Октябрьской революции. Они полны бодрости и энергии.

Выступают писатели Ирана, Пакистана, Монголии, Сирии, Южной Африки, Мальты, Непала, ОАР, Индии.

Горячо принимаются выступления руководителя советской делегации узбекского писателя Сарвара Азимова.

— Мы чувствуем себя близкими всем прогрессивным, несущим дух борьбы и освобождения организациям, но мы не забываем, что наше писательское движение имеет свои особые, неповторимые задачи, которыми мы гордимся.

Восторженно встречают делегаты конференции задержавшихся в пути писателей ДРВ и Южного Вьетнама. Дело Вьетнама — это дело каждого прогрессивного писателя. Победа Вьетнама будет достигнута при поддержке всех честных людей мира.

...Когда пишутся эти строки, конференция еще продолжает работать. Отель «Интернациональ» с утра до вечера наполнен разноголосым говором. Работают комиссии, вырабатывая общие точки зрения. Идут беседы и дискуссии, завязываются новые знакомства. Гостеприимный Бейрут, страна кедров, действительно раскрыл свои объятия писателям Азии и Африки.

Март. Бейрут.

На моем письменном столе лежат подарки от венгерских пионеров и свежее письмо от Евы Фольди. Ева живет в Будапеште и учится в средней школе. Она председатель пионерского отряда, отличница. Вот уже три года мы с ней переписываемся.

Письма от Евы меня всегда радуют и напоминают Венгрию, эту прекрасную землю, в которой я и мои боевые товарищи оставили много славных друзей. Вскрываю очередное письмо, в нем просьба: расскажите, пожалуйста, подробно, как вы двадцать два года назад вместе со своими боевыми товарищами, разведчиками Дунайской флотилии, освобождали Будапешт.

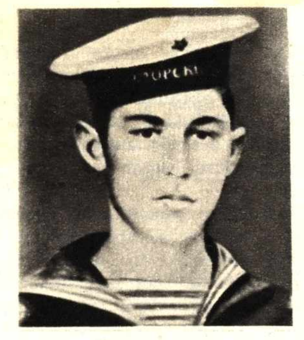
Декабрь сорок четвертого. Отборные гитлеровские части оказывают нам отчаянное сопротивление. Для окончательного разгрома врага, засевшего в Буде, нужны были точные данные о расположении войск противника. Задание было поручено нашему разведотряду во главе со старшим лейтенантом Виктором Калгановым.

Противник открывал огонь по любому двигающемуся предмету, ночью беспрерывно пускал в небо осветительные ракеты. Пробраться к Королевскому дворцу, где находился штаб, и захватить ценного языка нам никак не удалось.

Тогда нашему командиру Калганову пришла в голову отчаянная мысль: проникнуть в глубокий тыл врага под землей, по канализаци-

Отряд венгерских пионеров имени Алексея Чхеидзе — героя освобождения Будапешта.

Алексей Чхеидзе.
Снимок 1943 года.

онным трубам. Конечно, и это было не просто. У нас не было схемы подземных каналов. На помощь пришел бывший служащий Будапештского муниципалитета, инженер по эксплуатации канализационной сети.

Мы получили заветную схему. По ней был составлен план подземной операции.

Стоял легкий мороз. Снег сыпал хлопьями. Мы были одеты в короткие военные плащи, хромовые сапоги, на руках кожаные перчатки. Каждый имел автомат с запасными дисками, пистолет, несколько ручных гранат, нож. И, конечно, противогаз, без которого немыслимо было идти по канализационным трубам.

Калганов первым спустился в глубокий каменный колодец, вслед за ним пошли Аркадий Малахов, Любиш Жоржевич, Василий Никулин, Венедикт Андреев, Алексей Гура, Василий Глоба, Григорий Коцарь, я и еще четыре морских пехотинца.

Диаметр трубы — около метра. Идти в полусогнутом состоянии трудно. В некоторых местах труба сужалась. Приходилось ползти на четвереньках, погружая руки и колени в холодную жидкость.

Пройдя двести метров, мы оказались в тылу противника. Калганов временами на секунду включал фонарик, но из предосторожности направлял зеленый луч не вперед, а на стенку трубы. Последним шел связист. Он нес телефонный аппарат, за плечами висела катушка с проводом. Это наша связь с командным пунктом. Вдруг связь прекратилась! Где-то оборвался провод. Связист пошел назад. Морской пехотинец, который нес запасные противогазы, предназначенные для пленных, стал задыхаться. Он с трудом поспевал за нами. В конце концов совсем ослаб. Тащить его вперед не было смысла, так как силы нам нужны для операции в тылу врага. Поэтому его отправили вслед за связистом. Но в суматохе никто не догадался взять запасные противогазы.

После трех часов пути мы подошли к тому месту, где, согласно разработанному в штабе плану, мы должны были разделиться на две группы, чтобы выйти на поверхность в разных концах у Королевского дворца.

Наша группа во главе с Андреевым состояла из шести человек. Мы знали, что от последней развилки до выхода оставалось немного. Вдруг Андреев остановился и выпрямился во весь рост. «Колодец!» — мелькнула радостная мысль. Я сделал шаг вперед. Было невыразимо приятно стоять во весь рост. У нас болела спина, ноги, шея.

Люк, под крышей которого мы стояли, находился немного севернее Королевского дворца, недалеко от церкви Магдалины. По металлическим скобам, вбитым в стену колодца, я забрался вверх и приложил ухо к крышке. Все тихо.

Я вылез из люка, отошел на несколько шагов, осмотрелся и подал сигнал рукой, что можно выходить. Андреев и Глоба выскользнули из люка и закрыли тяжелую крышку. В колодце остались Коцарь, Гура и морской пехотинец.

Теперь нужно было выполнить главную задачу — взять языка.

Для засады выбрали темный подъезд пустующего дома. От него можно пройти с захваченным языком до люка незамеченным. Стали ждать... Внизу на улице показался человек. Он шел в нашу сторону. Когда он подошел поближе, мы увидели, что это рядовой солдат. Такой язык нас не устраивал.

Прошло еще несколько минут томительного ожидания. Показался другой немец. На нем была высокая фуражка офицера. Приготовились к налету. Но в это время из здания предполагаемого штаба вышел немец. Он мог заметить нашу схватку. Рисковать нельзя. Офицер прошел мимо, не подозревая, с каким сожалением смотрят на него советские разведчики!

Но вот наконец из здания штаба вышли двое. Мы напряженно рассматривали их. «Неужели это простые солдаты?» Но, разглядев офицерские фуражки, обрадовались, приготовились к нападению.

Переговариваясь между собой, они приближались к нам. Один среднего роста, толстый, в черном кожаном пальто, второй — высокий, плотный, одет в офицерскую шинель.

Прикладом автомата я нанес короткий удар по голове толстому гитлеровцу и свалил его на землю. Андреев вложил ему в рот кляп и стал быстро завязывать руки.

Действовал и Глоба. Он тоже нанес высокому офицеру сильный удар по голове. Здоровенный немец упал, но не распластался на земле, а удержался на коленях. От второго удара он увернулся, вскочил на ноги и схватил Глобу сильными длинными руками. Я подскочил и с ходу ударил офицера. Он отпустил Глобу и неожиданно нанес мне удар кулаком в живот. Я присел, свалился в снег.

Тут Глоба сшиб офицера с ног и насел на него. Фашист яростно сопротивлялся. Превозмогая боль, я поспешил на помощь товарищу. Опасаясь, что офицер может поднять тревогу, Глоба резким ударом ножа обезвредил фашиста.

Труп нельзя было оставлять на улице. Мы взяли обоих и быстро зашагали к люку. В колодце Андреев осветил фонариком лицо пленного. В глазах немца застыло выражение ужаса и недоумения. Он никак не мог понять, куда попал.

Андреев вытащил у него изо рта кляп и сказал мне:

— Алеша, успокой его, пожалуйста.

Я заговорил с пленным по-немецки, объяснил, что ему гарантирована жизнь, только придется пройти вместе с нами по трубе некоторое расстояние. Эти слова хорошо подействовали на пленного.

Оценив обстановку, он больше не задавал вопросов, спокойно отдал свои документы майора из штаба бригады штурмовых орудий.

Я отдал свой противогаз пленному. Он шел довольно резво, между мной и Глобой, мне без противогаза было тяжело идти. Глоба тихо спросил:

— Ну как, Алеша, чувствуешь себя? — Он снял противогаз и протянул мне. Я с благодарностью надел его, и мне сразу стало легче.

Без противогаза Глоба через некоторое время тоже стал задыхаться. Тогда я снял противогаз и передал его Глобе. Так мы с товарищем попеременно пользовались одним противогазом.

Скоро подошли к развилке труб, где нас поджидала группа Калганова. Андреев доложил командиру о результатах вылазки на поверхность. В свою очередь, Калганов сказал, что и они возвращаются с языком. Их группа вышла из люка неподалеку от внутренних ворот дворца короля Матьяша. Там они взяли обер-лейтенанта.

Пленный обер-лейтенант шел между Жоржевичем и Малаховым. Ему отдал свой противогаз Жоржевич, а они с Малаховым по очереди пользовались одним противогазом.

Калганов давал нам короткие передышки. Всем хотелось отдохнуть подольше. Но мы не могли позволить себе такую роскошь: надо было выбраться на поверхность до рассвета. При дневном свете противник нас мог обнаружить около выходного люка и расстрелять из пулемета. Мы знали, что должны дойти. От исхода нашей операции зависит жизнь многих советских воинов и жителей города.

Пленный майор совсем обессилел. Нам пришлось тащить его волоком. Наконец Калганов сообщил, что осталось пройти до выходного люка всего 100 метров. Эти слова придали нам новые силы. Какие это были метры!..

Но вот выходной колодец! С помощью товарищей, ожидавших нас на поверхности, мы выбрались из люка. Из последних сил сорвали с себя противогазы, жадно хватали ртом морозный воздух. Кружилась голова, подкашивались ноги...

Сведения, полученные от гитлеровских офицеров, сыграли большую роль в окончательном разгроме группировки немецко-фашистских войск.

На Британских островах начался традиционный весенний поход английских сторонников мира. Главное требование — положить конец американской агрессии во Вьетнаме. Лозунги призывают к ядерному разоружению, к укреплению мира во всем мире. На снимке, который мы печатаем, участники похода идут мимо одной из военно-воздушных баз Соединенных Штатов, расположенных на английской земле.

Остров Гуам недавно был местом проведения совещания руководителей США и их сайгонской клики. Речь шла о дальнейшем расширении американской агрессии против Вьетнама. Всюду в мире народы требуют прекратить преступную войну. Но что американским милитаристам до общественного мнения! Они не останавливаются перед новой эскалацией смерти, на алтарь этой войны они готовы бросить новые жертвы, в том числе и жизни американских солдат. Вот диаграмма, напечатанная в последнем номере журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Она показывает, как растет число убитых американцев в джунглях Вьетнама. Статистики даже подсчитали, сколько американских солдат будет убито и ранено в 1967 году!

После референдума во Французском Сомали, который не изменил статуса этой территории, в Джибути, главном центре Французского Сомали, вспыхнули волнения. Власти применили силу против тех, кто был недоволен результатами референдума. Вот как выглядела одна из улиц Джибути во время волнений.

В Сьерра-Леоне произошел военный переворот. Группа армейских офицеров, захватившая власть, приостановила действие конституции и организовала Национальный совет преобразования. Сообщают, что переворот обошелся без кровопролития. Сьерра-Леоне — небольшая страна в Западной Африке. Экономика ее держится на добыче железной руды, которую ведет английская компания. На снимке: военный патруль во Фритауне, столице Сьерра-Леоне.

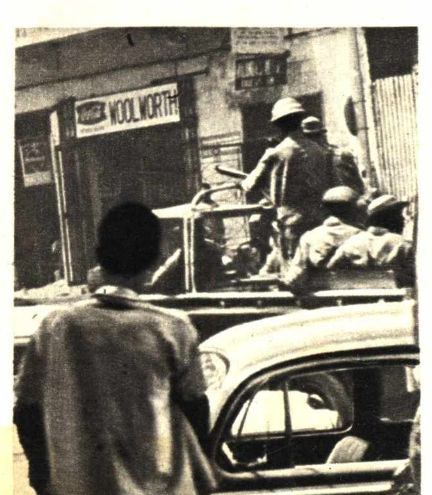

Фото ТАСС, ЮПИ, журналов «Тайм», «Ньюсуик», «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

Золотой дождь

Сильнейшие гимнасты Европы разыграли в Тампере (Финляндия) первенство континента. На состязания съехались спортсмены, представляющие 21 страну. Честь Советского Союза защищали абсолютный чемпион мира Михаил Воронин и абсолютный чемпион страны Виктор Лисицкий. Зрители и журналисты, присутствовавшие на состязаниях, увидели в мастерстве наших гимнастов искусство и красоту, темперамент и расчет.

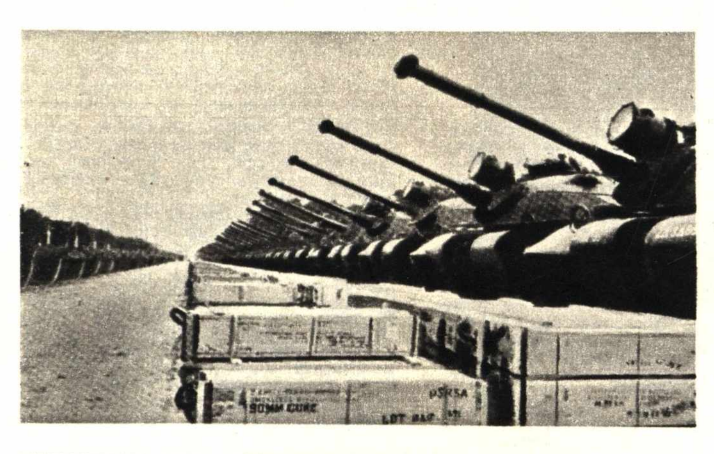
Два дня борьбы стали днями настоящего триумфа советской гимнастической школы. Буквально золотой дождь посыпался на наших спортсменов.

Московский студент Михаил Воронин, отметивший в Тампере свое 22-летие, и старший лейтенант Советской Армии Виктор Лисицкий завоевали большую медаль (и Кубок Европы) за победу в многоборье и шесть из семи малых за первенство на отдельных снарядах, оставив своим 35 соперникам лишь одну малую золотую медаль. Ее хозяином стал финн Лассе Лайне, оказавшийся сильнейшим в вольных упражнениях.

Старший тренер сборных СССР по гимнастике Валентин Муратов, отметив удачу своих питомцев, заявил, что впереди у них самые главные состязания — летние Олимпийские игры. К ним сейчас и начнут подготовку советские спортсмены, чтобы и на другом континенте подтвердить свое звание сильнейших.

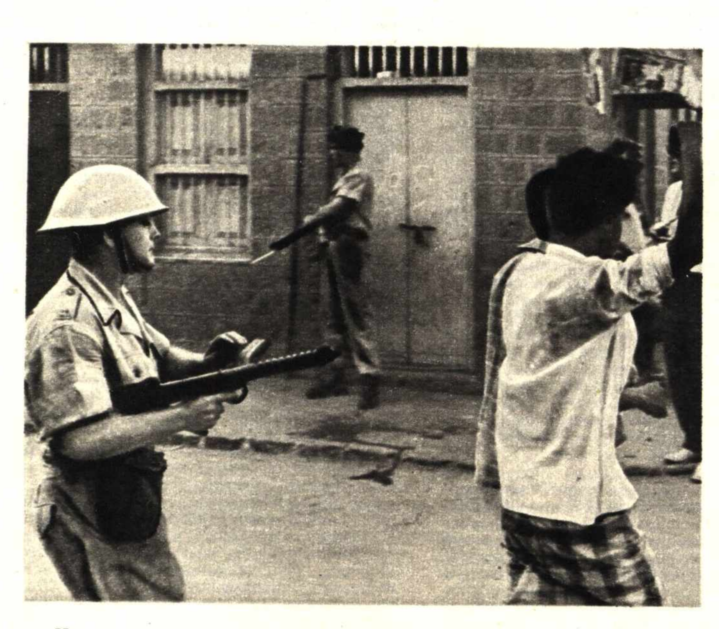
На снимке (слева направо): Виктор Лисицкий, Михаил Воронин и Франко Меникелли на пьедестале почета после выступлений на одном из снарядов.

Телефото Хувудстатсбладет — ТАСС.

В разных точках планеты разместились военные базы США — угроза мирному существованию народов. Вот два снимка, которые взяты из последних номеров американских журналов. На первом — танки и снаряды, доставленные в Западную Германию для 270-тысячного американского войска, занявшего боевые позиции в этой стране. Другой снимок сделан за много тысяч километров оттуда, на тихоокеанском острове Гуам. Самолеты с опознавательными знаками США каждый день взлетают с этого острова, неся под крыльями бомбы, которые они сбрасывают на землю Вьетнама.

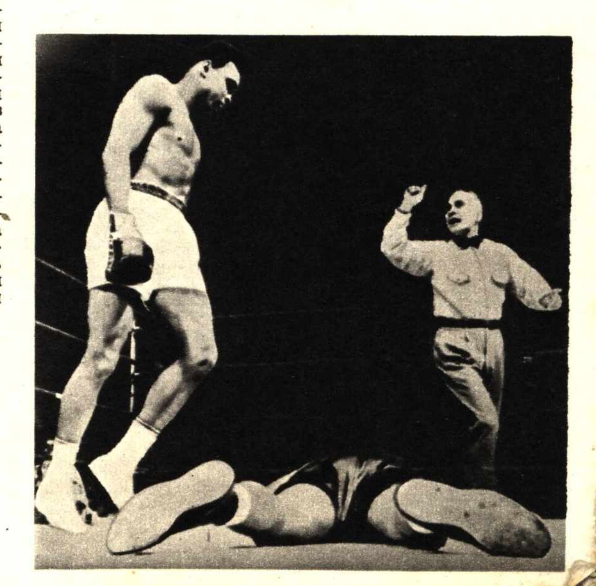
Не прекращается патриотическое движение в Адене — английском владении на Аравийском полуострове. Жители Адена хотят видеть свою родину свободной от власти чужеземцев. Солдаты английского полка Нортумберленских стрелков позорят свое знамя в операциях против патриотов.

Американский корабль «Торри каньон», плававший под либерийским флагом и груженный нефтью английской компании «Бритиш петролиум», напоролся на рифы близ побережья Великобритании, через несколько дней разломился и стал погружаться на дно. Танкер вез 120 тысяч тонн нефти. Разлившись, она покрыла водную поверхность в несколько сот квадратных километров. Песчаные пляжи — одно из любимых мест отдыха англичан — оказались испорченными нефтью на протяжении более полутораста километров. На остатки танкера были сброшены бомбы, чтобы зажечь горючее и хотя бы частично предотвратить губительное действие нефти на воду и сушу. На снимках: танкер «Торри каньон»; спасение команды танкера.

Чемпион мира среди боксеров-профессионалов Кассиус Клей (он же Мухаммед Али) одержал очередную победу над претендентом на это звание Зорой Фоллеем. Это была его девятая победа с 1964 года, когда Кассиус Клей добился чемпионского титула. Так выглядел ринг в нью-йоркском Мэдисон сквэр гардене на седьмом раунде матча.

ДВА ЧАСА ЧИСТОГО ВРЕМЕНИ

Сколько в Москве болельщиков? Сотни тысяч? Наверняка. Миллионы? Вполне может быть. В прошлый понедельник, когда в Вене решалась судьба мировой хоккейной короны, Москва замерла у телевизоров. Два часа чистого времени — с 22.30 до половины первого ночи — московские болельщики были на голубом телевизионном посту. Мы не можем сказать точно, сколько их было, но некоторое представление о их численности и характере могут дать интервью, взятые во вторник нашим корреспондентом О. КНОРРИНГОМ.

Звоню в московский кинотеатр «Патриот». Администратор Екатерина Алексеевна Степанова:

— Вчерашний матч был для нас бедствием. В полном смысле горели голубым огнем. На последнем сеансе у нас всегда аншлаги. А тут из двух тысяч четырехсот мест было занято только пятьсот пятьдесят. В других кинотеатрах та же история.

Интересно, нанесли ли урон хоккеисты нашим торговым работникам? По этому поводу слово метрдотелю ресторана «Метрополь» Леониду Григорьевичу Фетисову.

— И не спрашивайте! Посетителей было мало. Зачем такие матчи демонстрировать по телевидению? Эх, если бы брать с человека хоть по копейке, сколько бы денег собрали!

С большой нагрузкой работал телеграф.

— В десять раз увеличился поток телеграмм в Вену,— сообщила заместитель начальника телеграфа Валентина Ивановна Сазонова.

— Вену без конца вызывали многие города Советского Союза,— добавила Людмила Васильевна Гуркина, начальник международной телефонной станции.— Особым спросом пользовались Фирсов, Рагулин и Александров. Но хоккеисты к телефону не подходили.

Интересную цифру привел диспетчер «Мосэнергосбыта» Александр Иванович Попов.

— На сто пятьдесят — двести тысяч киловатт пришлось увеличить мощность в эти часы. Ведь разом были включены, вероятно, все телевизоры столицы, которые обычно в это время не работают.

Звоню в милицию.

— Что произошло в эту ночь в Москве?

— С двадцати часов до часу ночи никаких происшествий не было. Не было даже телефонных звонков. Дежурный по городу майор Дойков.

Известно, что в Вене на матчах чемпионата мира у болельщиков было много несчастных случаев. Говорят, что даже у кого-то произошел инфаркт. Интересно, как прокомментируют этот матч московские медики. Заведующий статистическим учетом «Скорой помощи» Владимир Алексеевич Касаткин сказал:

— Хоккейных неприятностей у нас не было. У наших болельщиков нервы такие же крепкие, как и у хоккеистов. Выдержали.

Когда хоккейная баталия в Вене была в самом разгаре и наши проигрывали канадцам, диктор телевидения сообщил, что композитор Вано Мурадели обещал в случае победы нашей команды написать специальную песню о хоккеистах.

Звоню композитору.

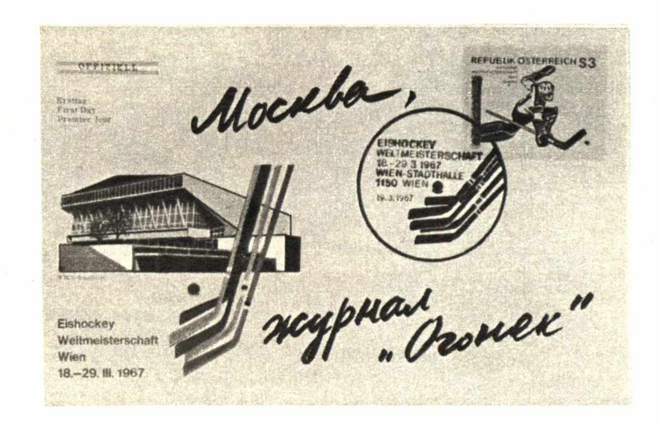
— Вано Ильича нет дома. Я его жена. Я знаю все, что вам нужно. Вы про песню, которую он обещал написать? Так вот. Звонили уже три поэта. Один еще ночью. Предлагали текст. Вано Ильич говорит, что будет писать музыку только на очень хорошие слова. Наша команда того стоит.

— В эти часы улицы были почти пустые,— рассказал нам инспектор 9-го отделения ОРУД капитан Я. Т. Анисимов.— В домах горели голубые огни телевизоров, а на стоянках зеленые огоньки такси, скучавшие без пассажиров. Зато как только окончилась передача, тут же вспыхнули окна в домах, словно Москва салютовала своим чемпионам.

Рисунки В. Воеводина.

Специальный корреспондент «Огонька» В. ВИКТОРОВ

Я решился на этот заголовок накануне матча СССР — Канада, после визита в «Интерконтиненталь» — гостиницу, ставшую в эти дни хоккейной резиденцией мира.

Конечно, о предстоящей встрече с Канадой Аркадий Иванович Чернышев отказался говорить, но не скрыл своих впечатлений об игре канадцев с чехословаками, а потом сказал, что сейчас наших ребят еле удалось увести из тренировочного манежа: все никак не могли наиграться!

Несколько слов Чернышева об игре канадцев, о том, что им не хватает сил играть быстро и мощно все три периода, и вдохновили меня на заголовок «Семикратные!».

Борьба со шведами завершилась сенсационной победой нашей команды. Победа эта потребовала огромного расхода физических и нервных сил, но уже на следующее утро ребята с вдохновением тренировались.

Чернышев не скрыл от нас того, что хоть и был уверен в победе над шведской сборной, но никогда не предполагал, что игра с ней может закончиться таким разгромным счетом. Даже после сенсационного поражения шведов команде США в первый день чемпионата такой результат никто не рискнул бы предсказать. Ведь в прошлом команда «Тре крунур» доставила нам столько огорчений! Разве можно забыть ту ничью в метель зимой 1954 года, когда советская сборная дебютировала на мировом чемпионате в Стокгольме? Тогда шведы забросили нам шайбу, а начавшийся снегопад (игра проходила на открытом воздухе) сделал почти невозможными дальнейшие действия команд. И все же советские хоккеисты, атаки которых возглавлял Всеволод Бобров, сквитали счет, а потом, победив канадцев, завоевали золотые медали. И еще две ничьи на чемпионатах мира: ничья со шведами в Москве в 1957 году, которая на сей раз лишила нас первенства; ничья в прошлогоднем чемпионате в Любляне, доставившая немало треволнений. И, наконец, поражение от шведов в Стокгольме в 1963 году. Это единственное поражение ничего не изменило,— именно в Стокгольме начался триумфальный путь советских хоккеистов, продолжающийся пять лет подряд! Но разве можно забыть эти четыре столь ощутимых удара?..

Вот почему наша команда готовилась к встрече со шведской сборной с полным сознанием трудностей, которые ждут ее. И Аркадий Иванович Чернышев в преддверии матча с Канадой вспоминал победы, состоявшиеся накануне нашей встречи, с таким видом, словно произошли они давным-давно, в незапамятные времена, но вовсе не собирался скрывать от нас своих забот.

— Игра со шведами нас очень заботила, а их неожиданное поражение на старте чемпионата только усилило наши волнения,— рассказывал тренер.— Ведь раненый соперник, которому нечего терять, бывает опаснее того, кто полон веры в свои силы. Я и сегодня считаю, что эта опытная, поистине боевая команда еще не сказала своего веского слова. Во всяком случае, нашим чехословацким друзьям и канадцам, которые встречаются со шведами на финише, я не завидую. Впрочем, снова прогноз, а это, как известно, запрещенный прием. Так что же вы еще хотели бы узнать? — спросил меня Чернышев.

— Как вы оцениваете действия наших троек? — спросил я его.

Такой вопрос я задал Чернышеву, признаюсь, с тайной целью. Среди нас, журналистов, да и среди любителей хоккея, независимо от того, где они находятся — на скамьях «Штадтхалле» или дома, у телевизоров,— все настойчивее возникает один и тот же вопрос: что со спартаковской тройкой? Как это получается, что во всех играх чемпионата страны, во всех международных встречах Вячеслав Старшинов был самым результативным нападающим, ни в чем не уступал ему и Борис Майоров? Теперь, в Вене, спартаковская тройка оказалась самой нерезультативной. Об этом же я спросил и тренера команды «Спартак» Всеволода Боброва, приехавшего в Вену в роли зрителя. Он ответил, что объясняется это тем, что его ребята хорошо играют лишь тогда, когда действуют в полную силу. А в первых матчах вовсе не обязательно включать третью скорость — силы надо беречь. Но вот и первый серьезный матч, матч со шведами, позади, а спартаковцы не забили ни одной шайбы. Я и надеялся получить объяснение этому у Аркадия Ивановича Чернышева. И он, видимо, сразу разгадав мой тактический замысел, отдал должное великолепной игре Альметова и Александрова, высоко оценил усилия Фирсова и его молодых партнеров, а потом особо остановился на результатах спартаковского звена в игре с командой Швеции.

— Теперь наш тактический план не является тайной,— сказал Чернышев,— я вам его открою, и вы поймете, почему мы высоко оценили действия Старшинова, Майорова и молодого партнера, дебютанта сборной Ярославцева, в этом матче. Перед спартаковским звеном мы поставили трудную задачу: нейтрализовать сильнейшую тройку шведской сборной Нильса Нильсона, лечь костьми, но не дать им сыграть. Самим не забить и первой шведской тройке не дать забросить ни одной шайбы. Вы представляете, как должны были воспринять подобное задание такие темпераментные спортсмены, как Старшинов и Майоров? Пожертвовать собой вместо того, чтобы доказать свои силы, разменять свое мастерство на опеку Нильсона, Меетя и Оберга! Словом, закрыть своей грудью сверхскоростной шведский пулемет. И они его закрыли, этот пулемет. Сами не забили, но и первое звено шведской сборной сыграло вхолостую. Вот почему мы на «пять» оценили действия спартаковцев. Так и напишите! Ну, а что касается их дальнейших действий, не будем забегать вперед.

Мы попрощались с Аркадием Ивановичем, а поднявшись на шестой этаж, прочли в стенгазете наших хоккеистов следующие строки из статьи капитана сборной Бориса Майорова: «Вот и стали мы на год взрослее, и пора настает... Да, прошел год, и очень нам хочется отстоять звание чемпионов мира. Среди нас только трое новичков, и им предстоит пройти суровую школу, сдать суровый экзамен. Остальные постарели на год, но не убавилось у нас желания победить».

СЕМИКРАТНЫЕ!

Молодость идет на смену ветеранам. Блистательно играет фирсовская тройка, ставшая героиней матча со шведами. Ни разве не Борис Майоров подал свой голос за Полупанова и Викулова, еще не обстрелянных на чемпионатах мира, когда решался вопрос, посылать или не посылать их в Любляну?

Что же, неизбежно приближается то время, когда Майоров уступит свое место в спартаковской тройке какому-нибудь молодому спортсмену, но сегодня он еще хочет победить. Ведь он вместе со Славой Старшиновым выступал на всех четырех предыдущих чемпионатах. Победных чемпионатах! Предельно усталый, в мокром от пота костюме, прошел Майоров мимо нас по нарядному холлу отеля, когда мы беседовали с Чернышевым, и за цифрами забитых и пропущенных шайб перед нами встал человек с его горестями и надеждами, человек, рвущийся, несмотря ни на что, к победе. А победа вот она, рядом!

Мы все понимали еще до открытия чемпионата, что в его недрах зреют катаклизмы, но кто мог бы предположить, что так блестяще продуманная сюжетная схема чемпионата даст трещину и все решится не в последний день чемпионата, а в предпоследний, не в матче СССР—Чехословакия, а во встрече СССР — Канада! Но спортивное зрелище тем и привлекает людей, что его исход всегда загадка, всегда тайна, что события не придуманы заранее, а рождаются, развиваются и завершаются тут же, на глазах у зрителей, которые являются как бы соавторами волнующего зрелища.

Внезапно произошло спортивное крушение Чехословакии. Кто мог бы представить себе, что финская команда может победить сборную, дважды подряд выигрывающую серебряные медали на чемпионатах мира? К тому же чехословацкая команда справедливо считалась нашей главной соперницей в борьбе за золотые медали. Она достаточно ярко показала свои силы во всех предыдущих матчах, победив команды ФРГ, ГДР и США. Но факт остается фактом, невероятное стало непреложным. После трех шайб, пропущенных в первом периоде, самая вдохновенная поддержка трех тысяч болельщиков, самые яростные атаки отличных чехословацких нападающих ничего не могли изменить.

Что, интересно, испытывал при этом чехословак Густав Бубник, тренер финских спортсменов? Хотя одна из венских газет и вышла на следующий день с заголовком: «Три тысячи чехословаков плачут — один смеется»,— но мне думается, что плакал и сам Бубник. Поди придумай такую ситуацию: один из зачинателей чехословацкой сборной, один из лучших ее нападающих теперь является виновником сенсационного поражения своей родной команды! Да, такого не придумаешь. И все же поражение чехословацкой сборной в игре с финнами еще не было нокаутом для этой прекрасной команды. Ее наставник Питнер имел все основания заявить журналистам, что все еще впереди, что чемпионат начнется лишь 25 марта...

Но 25 марта поздно вечером в «Штадтхалле» взорвалась еще одна бомба. После триумфальной победы нашей команды над шведской на лед вышли хоккеисты Чехословакии и Канады... Ну, что же тут говорить, когда матч этот вам досконально известен? С трудом ушла команда Чехословакии от поражения. Ничья внесла в ход чемпионата совершенно неожиданную, я бы сказал, непостижимую поправку. Если команда СССР победит теперь команду Канады, то даже ее поражение от чехословацкой сборной в последний день чемпионата уже ничего не решит: команду СССР никто догнать не сможет.

...В воротах сборной Канады вторая шайба! Советские хоккеисты вновь чемпионы мира.

Фото В. Шандрина (ТАСС).

...Это был прекрасный воскресный день в Вене. По мостовым цокали копыта знакомой нам по фильму «Большой вальс» старой доброй Рози. Но извозчик совсем не походил на того усатого смешного старика, который катал по венскому лесу героиню этого популярного фильма и ее поклонника. Это был молодой безусый паренек в черном котелке. Да и венский лес был совсем не таким, каким мы его знаем по этому фильму. В этот день наши ребята гуляли по городу, любовались расцветающими яблонями в парках Вены и старались не думать о том, что им предстоит завтра на льду Венского дворца спорта.

Но как в горах в весенний день в любой момент можно ожидать грохота опасной лавины, так и в «Штадтхалле» вот-вот должны были покатиться с вершины трибун ураганные: «Гоу-гоу!» и «Шайбу! Шайбу!» Пришел самый ответственный день чемпионата, но, прежде чем на лед вышли сборные команды Канады и СССР, нам предстояло увидеть, как используют свой последний шанс чехословацкие хоккеисты. И мы увидели матч огромного эмоционального напряжения и убедились в правоте Чернышева, который считал, что шведская сборная себя еще покажет. Проигрывая сборной Чехословакии, которая играла с высоким вдохновением, шведы завершили поединок вничью.

Да, мы видели незабываемое по напряжению спортивное зрелище, но и оно явилось лишь прелюдией к «матчу столетия», как прозвали встречу СССР — Канада наши австрийские коллеги. Может быть, это и не очень оригинально, но абсолютно справедливо. Во всяком случае, эта игра, решающая судьбу первого матча еще за два дня до окончания чемпионата, бесспорно, является самой интересной игрой последних десяти первенств мира. Это мнение и такого знатока хоккея, как наш радиокомментатор Николай Озеров, побывавшего на всех этих десяти чемпионатах. Да, мы, может быть, впервые видели игру канадцев того высокого профессионального уровня, о котором столько слышали, ту игру, которая, совершив бросок через океан, завоевала спортивную Европу.

Разрабатывая тактический план встречи с Канадой, тренеры нашей сборной Аркадий Иванович Чернышев и Анатолий Владимирович Тарасов понимали, что канадцы попытаются все решить в первом периоде, что это их единственный шанс и что они не смогут долго выдержать наш темп. Но думаю я, что никто не мог представить себе, что канадцы способны на такую скорость. С первых же минут матча они стали переигрывать нашу команду в атаках, навязали ей свирепую силовую борьбу, костоломку у бортов. Вот когда они использовали, может быть, впервые до предела силы своих профессиональных защитников Бревера, Бэгга, Боунэса. Вот когда мы смогли убедиться в неувядаемом мастерстве вратаря Мартина.

Они взяли матч в свои умелые руки, все чаще наши хоккеисты навещали скамью штрафников, и гол, зреющий с первых же минут, через 5 минут 35 секунд стал свершившимся фактом. С подачи Бревера его забил Хакк.

Теперь оставалось лишь надеяться на то, что нашим хоккеистам удастся заставить соперников выложить все свои резервы, а уже потом добиться перелома.

Не знаю как кому, но мне показалось, что канадцы стали выдыхаться еще в конце первого периода, но во втором они были явно уже не те. И вот ответный гол Фирсова. Счет 1 : 1. А в третьем периоде наконец-то сказали свое слово в этом чемпионате Борис Майоров и Вячеслав Старшинов.

Как же мог я не вспомнить нашего разговора с Чернышевым перед игрой с канадцами? Вот оно, решающее слово Старшинова и Майорова! Именно с их помощью литой резиновый кружок решил судьбу первенства. Наши — семикратные! Семикратные в пятидесятую годовщину Советской власти! Этой предстоящей великой дате и посвятили свою замечательную победу советские хоккеисты.

Вена.

О СТРАНЕ ТАДЖИКОВ, О СЛАВНОМ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИИ В ЕЕ ИСТОРИИ рассказывает Джабар Расулов, первый секретарь ЦК КП Таджикистана

Журналисты «Огонька» продолжают путешествие по стране предъюбилейной. Одна из бригад только что вернулась из весеннего Таджикистана. «Край у подножия солнца» — так называют поэты, древние и молодые, землю таджиков.

Советский Таджикистан — это сбереженная мудрость пожелтевших фолиантов и дерзкие проекты гидротехников из Душанбе, лучший хлопок, распаханная долина Вахша и открытие новой звезды!.. Но сначала несколько вопросов первому секретарю ЦК КП Таджикистана Джабару Расуловичу Расулову. И его ответы на них.

У ПОДНОЖИЯ СОЛНЦА

Вопрос. Пятьдесят лет — это так мало для народа, история которого насчитывает многие и многие века. Но все мы знаем, каким эпохальным в судьбах советских людей было минувшее пятидесятилетие. И нет, наверное, у нас человека, в жизнь которого не вошла бы революция! Так вот, не начнете ли вы с рассказа о судьбе хорошо знакомого вам и уважаемого в республике человека, в биографии которого Октябрь сыграл великую роль?

Ответ. Ленин и революционные массы, восставшие под его руководством в Октябре 1917 года, посеяли в Таджикистане семена новой жизни. Не имевший прав обрел их, слепой прозрел, слабый стал сильным, а несчастный — счастливым! Все во имя человека — таков девиз, такова программа ленинцев и сегодня.

В республике хорошо знают имя Хилола Каримовича Каримова. Это наш ученый-филолог, талантливый педагог. «Учитель учителей» — так с почтением говорят в Таджикистане о Хилоле Каримовиче.

Родился он в кишлаке Пулатон на севере Таджикистана в семье крестьянина. И быть бы ему таким же неграмотным дехканином, как его отец, как дед, если бы не Советская власть. Возможность учиться настолько окрылила юношу, что он преодолел многие трудности. Первые же книги научили его, какой дорогой идти. В 1924 году Хилол вступил в комсомол. Окончив школу и педагогическое училище, Хилол стал одним из первых учителей. Но книги звали дальше. И сначала в Среднеазиатском государственном университете, а вскоре в далекой Москве завершил Хилол Каримов высшее педагогическое образование. Стал научным работником, консультировал правительственную комиссию по новому таджикскому алфавиту, преподавал. В 1941 году был принят в ряды Коммунистической партии. А когда грянула война, «учитель учителей» добровольно ушел в Советскую Армию.

После демобилизации Хилол Каримов несколько лет работал в Министерстве иностранных дел нашей республики, избирался депутатом Верховного Совета Таджикской ССР. Сейчас он заведует кафедрой персидского языка в Таджикском университете, является кандидатом педагогических наук. Это он, сын неграмотного дехканина, более трех десятков лет назад составил первый букварь таджиков! И сейчас первоклассники учатся читать по его букварю, который выдержал 35 изданий.

А как сложилась судьба родных и близких Хилола Каримова? Его сестра Хабиба тоже стала учительницей и уже несколько десятилетий работает в школе; она так же, как и брат, заслуженная учительница республики, награждена орденом Ленина. Другая сестра, Камбариссо,— заслуженный врач республики, кандидат медицинских наук. Их брат Рахим погиб на фронте... А братья Вали и Нугман работают в колхозе. Старший сын «учителя учителей» — Хуршед — кандидат биологических наук, он ученик академика Опарина и сейчас руководит лабораторией в самом молодом институте Академии наук республики — в Институте физиологии и биофизики растений. Дочь Матлуба и сын Джамшед учатся в аспирантуре в Москве, а сын Фаршед — студент физического факультета Таджикского университета. Есть еще и младший сын, Умед, он пока школьник, но активный участник математических олимпиад! Жену Хилола Каримовича Мунавару Абдукадыровну старожилы нашего молодого Душанбе помнят как первого диктора таджикского радио. Сейчас она дома, на пенсии, в кругу нового — уже третьего! — поколения Каримовых.

Семья Каримовых — лишь один пример из тысячи подобных, и биография каждого члена этой семьи — это биография социалистического Таджикистана.

Вопрос. Древняя культура Таджикистана дала немало великих имен. Расскажите хотя бы в общих чертах о развитии культуры и науки Таджикистана сегодняшнего дня.

Ответ. Эта тема необычайно интересна, но она настолько огромна, что нельзя и пытаться исчерпать ее в кратком интервью. Могу сказать лишь о некоторых итогах и общих тенденциях в развитии технической мысли, культуры и искусства республики.

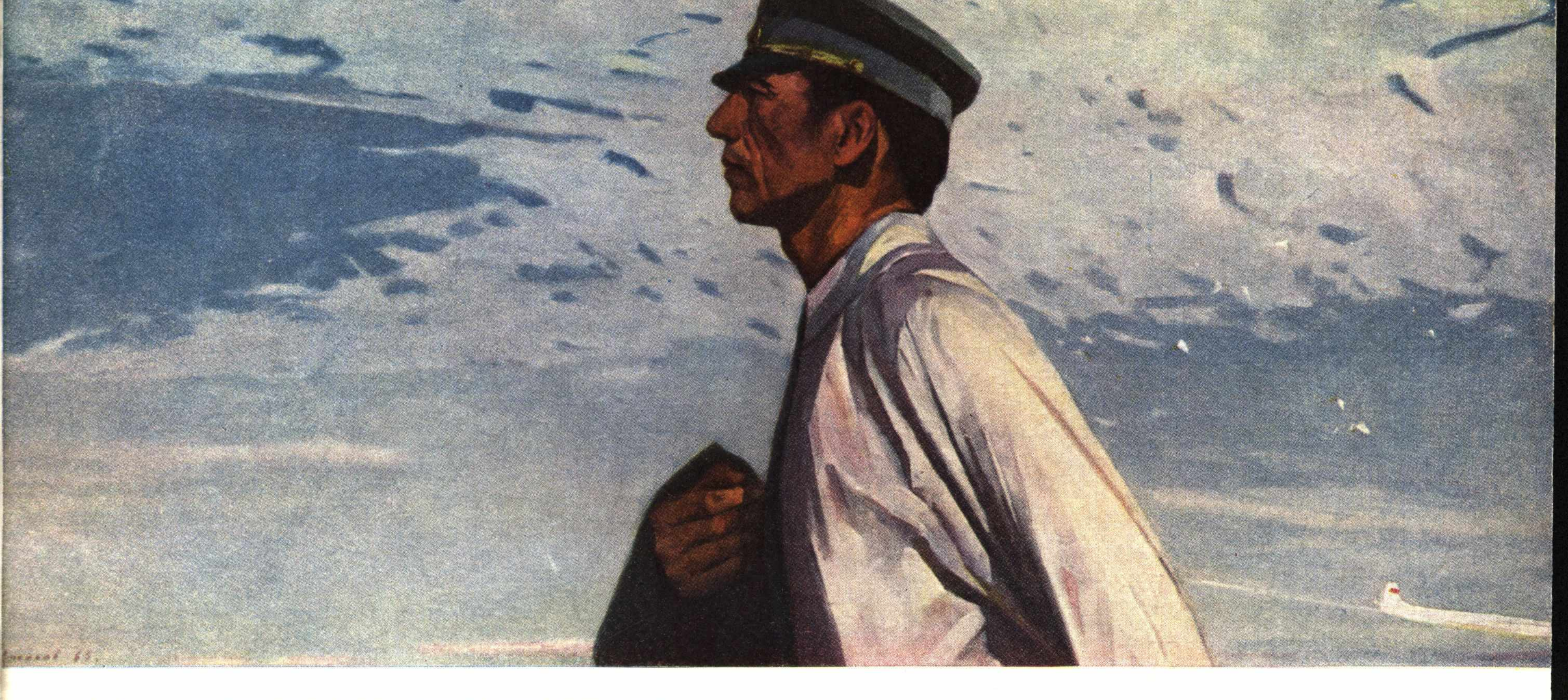
Да, таджики имеют древнюю и богатую культуру. Имена великих мыслителей, поэтов и зодчих известны всему миру. Рудаки, Авиценна, Фирдоуси, Джами — это немеркнущие звезды! Но действительность средневековья, грабительские набеги завоевателей, путы мусульманства, а главное, сплошная неграмотность — все это, как горная цепь, отделяло народ от плодов знаний и творений его великих сынов.

Октябрь вернул таджикам их богатейшее культурное наследие, приобщил таджиков не только к культуре предков, но и к мировой культуре. Благодаря усилиям Коммунистической партии и нашей, рожденной после Октября интеллигенции ныне преодолена экономическая и культурная отсталость народа. Мы уже не удивляемся ни стайкам совсем еще маленьких школьниц, ни телевизорам, пусть даже и в глинобитном доме, ни врачебным кабинетам в кишлаках, ни тому, что таджик читает лекцию в Японии на английском языке, ни премиям на кинофестивалях и многим другим, в общем-то, обычным явлениям в культурной жизни республики.

У нас сейчас свой университет, семь высших и тридцать средних специальных учебных заведений. Студентов в Таджикистане на каждые 10 тысяч жителей приходится вдвое больше, чем в Италии, и в двадцать пять раз больше, чем в Иране! Но это — только начало, и мы еще далеко не все плоды революции собрали.

Академия наук Таджикской ССР объединяет два десятка научно-исследовательских институтов и научных учреждений. Ведутся очень интересные, подчас единственные в своем роде исследования.

Думаю, не надо перечислять, сколько сотен кинотеатров в респуб-

И. Лисиков. ПОРТРЕТ КОМАНДИРА КОРАБЛЯ ЛЕТЧИКА САБИРОВА.

З. Хабибуллаев. ПО ДОРОГАМ ПАМИРА.

А. Рахимов. ЧЛЕНЫ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ.

лике, клубов и кружков художественной самодеятельности, упомяну, что у нас десять профессиональных и двенадцать народных театров. Народ наш хорошо знает своих артистов, писателей, поэтов: народных артистов СССР М. Касымова, Т. Фазылову, А. Бурханова и Л. Захидову, народных артистов республики А. Бобокулова, Х. Мавлянову, М. Сабирову, всемирно известного поэта Мирзо Турсун-заде, поэта Мирсаида Миршакара, бывшего комсомольского вожака на Вахшстрое.

Вопрос. Таджикистан — одна из тех республик, которая первой в нашей стране встречает весну юбилейного, 1967 года. Каковы приметы нынешней весны, что нового и самого интересного на селе?

Ответ. Каждая весна — пора обновления, но в этом году особенно остро праздничное ощущение всего нового!

Осуществляется вековая мечта народа о счастливой жизни. Опыт минувшего пятидесятилетия многому научил, заставил о многом серьезно задуматься, помог выбрать наиболее верные пути в дальнейшем развитии экономики.

Весна — начало хозяйственного года. В прошлом году республика дала стране более 630 тысяч тонн хлопка. И в нынешнем хлопкоробы обещают дать не меньше. Борьба за более высокую урожайность, плюс прирост поливных площадей, плюс улучшение структуры посевов — вот из чего складывается победа на хлопковых плантациях. Внедрение правильных севооборотов, расширение площадей под люцерной — краеугольный камень в борьбе за культуру земледелия. Напомню, что до революции на территории республики хлопка собирали раз в девятнадцать меньше, чем сейчас.

В течение долгих лет острой проблемой было отсутствие воды на зимних пастбищах. Чабанам приходилось гнать овец к водопою по горным тропам за десятки километров. Теперь более 900 тысяч гектаров пастбищ получили воду. За счет государственных средств построены самотечные водоводы, сооружены десятки обводнительных систем. Укреплению сельской экономики содействовали решения XXIII съезда партии. Увеличились денежные доходы хозяйств.

Душанбе сегодня. Проспект Ленина.

Фото Л. Шерстенникова.

Вопрос. А что нового в промышленности республики?

Ответ. Может быть, у нас скромнее масштабы, но смысл происходящих в экономике перемен тот же, что и на Урале, и в Донбассе. В экономике республики важное место занимает машиностроительная и электротехническая промышленность. Во многие районы страны и на международный рынок вывозится продукция таджикской индустрии! А мировой стандарт ко многому обязывает. И, кроме чувства гордости, наши специалисты, рабочие испытывают и чувство ответственности за марку «Сделано в Таджикистане».

Мы много строим, объем капиталовложений быстро растет. В нынешнем году еще шире развернутся работы на строительстве Нурекской ГЭС, на Таджикском алюминиевом заводе, а также на Яванском электрохимическом и на Джижикрутском горно-металлургическом комбинатах. Более быстрыми темпами пойдут работы на строительстве железной дороги Термез — Курган-Тюбе — Яван.

Положительные результаты дает постоянно углубляющаяся специализация предприятий. Производство на заводе «Торгмаш» выросло на 80 процентов в течение одного года! И при этом никаких дополнительных мощностей. В результате фондоотдача на этом заводе увеличится с 2 рублей 42 копеек до 6 рублей 86 копеек на один рубль основных фондов, а выработка на одного работающего увеличится с 10 тысяч рублей до 14 тысяч рублей. Совершенно изменил свое лицо завод «Металлист». А ведь еще недавно это была полукустарная мастерская! Рентабельность этого предприятия составляет около 30 процентов вместо шести до реконструкции и специализации.

Во многие области страны идут из Таджикистана изделия машиностроения и электротехники. Скоро начнется выпуск мотальных машин, а затем и мотальных автоматов, новых светильников и усовершенствованных рабочих органов для хлопкоуборочных машин, а также домашних холодильников, электроплит и многих других изделий. Я уж не говорю о коврах, тканях и иных традиционных вещах.

Вопрос. Каковы перспективы развития энергетики республики?

Ответ. Первенцем энергетики Таджикистана явилась Верхне-Варзобская ГЭС, строительство которой началось еще в 1932 году. Строили ее более четырех лет. Только за один минувший год выработано вдвое больше электроэнергии, чем за десять послевоенных лет. Это и есть начало бурного роста энергетики Таджикистана. А к концу 1970 года республика произведет около 4 миллиардов киловатт-часов энергии! Напомню, что до революции во всей России вырабатывалось 2 миллиона киловатт-часов. Сейчас на смену дизельным и локомобильным установкам пришли турбины ГЭС. А реки у нас горные — быстрые, напористые. Согласно уточненной схеме, на реке Вахш будут сооружены пять ГЭС общей мощностью 7 миллионов 800 тысяч киловатт! Но еще более грандиозный каскад гидроэлектростанций намечается построить на реке Пяндж — восемь ГЭС. Здесь на базе энергетики быстрыми темпами будут развиваться химическая промышленность и цветная металлургия. Кроме того, машинное орошение дает значительный прирост посевных площадей под хлопчатник.

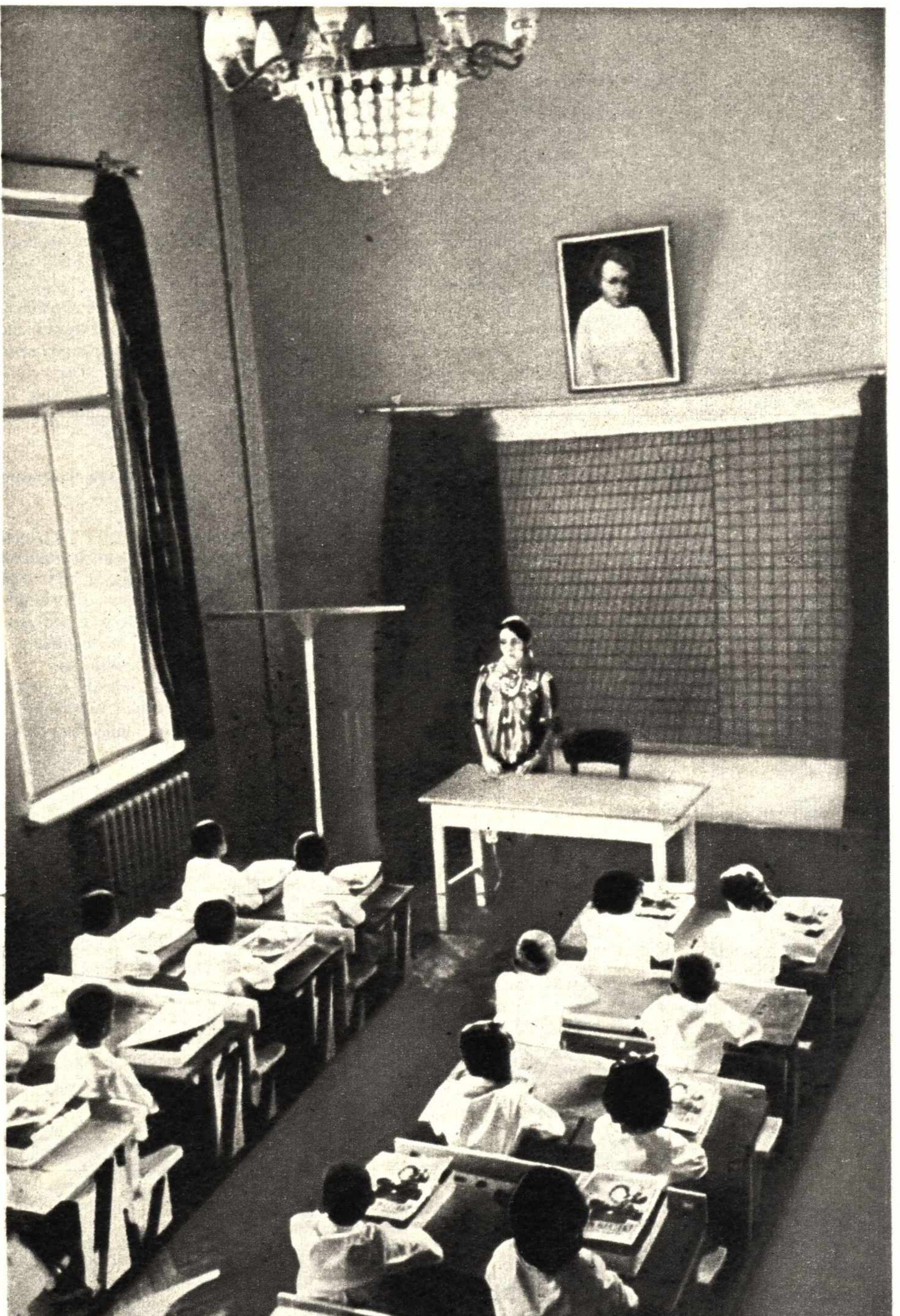
Вопрос. Расскажите, пожалуйста, о международных связях Таджикистана.

Ответ. Таджикистан поставляет свою продукцию многим странам мира. Большую роль играет обмен научно-технической информацией, укрепление связей с общественностью зарубежных стран и торговля. Особенно успешно развиваются отношения с обществами дружбы и культурной связи в Афганистане, Иране, Индии, Непале и в некоторых странах арабского Востока. Республиканский комитет солидарности стран Азии и Африки поддерживает контакты с зарубежными странами сам, а также через отделения обществ дружбы. Наша республика принимает также участие в международных торговых выставках и в кинофестивалях. В 30 стран мира идет продукция завода имени Орджоникидзе, изготовляющего арматуру для нефтепромыслов и для нефтеперерабатывающих заводов. Во многих странах Азии, Африки, Европы известна продукция душанбинского завода «Трактородеталь» и других предприятий. Вообще же наша республика имеет экономические связи с 36 странами. Из Таджикистана вывозятся также хлопок, ткацкие станки, сельхозтехника, трансформаторы.

За последние годы республику посетили 230 зарубежных делегаций, интересующихся научно-техническими, правовыми и культурными проблемами. Состоялись деловые встречи, политические консультации с делегациями ряда братских партий. Наши встречи с парламентскими делегациями из Индии и КНДР, ДРВ, Афганистана, Сомали, Непала тоже были очень интересными и плодотворными. В то же время делегации из Таджикистана выезжали в Индию, Афганистан, Иран, Грецию, Канаду, Кубу, ОАР, Ливан, ГДР, Нигерию, Чехословакию, что также, несомненно, способствовало укреплению дружбы между нашими народами. Тут и обмен делегациями ученых, специалистов, студентов.

За последние пять лет нашу республику посетили более 10 тысяч иностранных туристов. Это люди разных политических взглядов и убеждений. Но у подавляющего большинства от посещения Таджикистана остались хорошие впечатления — об этом говорят их высказывания. Так, например, доктор Арнольд Шульц — турист из США — сказал так: «Мне было очень приятно посетить Душанбе, он всегда останется для меня символом самоопределения и прогресса народов». Турист из ГДР оставил запись следующего содержания: «Богатство природы, достопримечательности, замечательные люди этой страны зовут нас посетить ее еще раз».

Иностранцы, порой приезжающие в Таджикистан только за восточной экзотикой, вскоре убеждаются в том, что эта советская республика, как и другие ее сестры, шагает в ногу со временем.

Урок в интернате.

Фото В. Лиферова.

В САДУ РАСТЕТ БУДУЩЕЕ

В Душанбе я был свидетелем такого случая.

Один иностранный журналист, ночевавший в гостинице, подвел утром после завтрака своего коллегу к широкому окну холла и с ехидным видом показал пальцем на проволочку, которой не слишком искусно была закреплена рама.

— Ну и что? — сказал второй журналист, пожав плечами.— А вас не удивляет, что каких-нибудь сорок лет назад здесь не было ни этой гостиницы, ни этой площади, ни этого города? Ведь все, что мы с вами видим теперь перед собой — если, конечно, смотреть не на проволочку, а на город,— все это сделано при жизни одного поколения.

Потом я слышал, как другой гость Таджикского союза журналистов, прибывший из Австрии, обратился с вопросом к главному редактору республиканской газеты товарищу Халимову:

— Скажите, господин Халимов, какой пост занимал ваш отец, когда вас направили учиться на журналиста?

— Пост? — переспросил Халимов, и его черные глаза засмеялись.— Мой отец занимал пост... безземельного дехканина в кишлаке. Он был неграмотный и забитый, как его отец, его дед и все соседи по кишлаку. Мальчишкой я несколько лет скитался беспризорным — это были тяжелые годы после гражданской войны. Мог, конечно, погибнуть, как былинка в пустыне. Но добрые люди отправили меня в детдом, дали хорошее образование, я стал журналистом. У моих детей жизненный путь прямей. Все шестеро учатся в вузах. Но это вовсе не потому, что я главный редактор. Такой путь открыт теперь перед каждым юным гражданином нашей республики. Чтобы убедиться в этом, советую побывать хотя бы в нашей комплексной школе-интернате имени Ленина. Там живут и учатся 1 100 детей более тридцати национальностей. Среди них есть сироты, есть дети из многодетных семей, но у каждого равное право на счастливое детство.

На другой день австрийские гости отправились в интернат имени Ленина.

Дорогой между австрийскими журналистами шел разговор о том, что-де как бы ни был хорош детский дом, он все-таки всегда производит тягостное впечатление.

Однако то, что увидели иностранные гости, никак не укладывалось в их давнее представление о казенном детском доме.

Пять светлых современных корпусов и десять уютных коттеджей буквально затерялись на пятидесяти гектарах тенистых плодовых садов. А какие жизнерадостные, веселые дети играли в этих садах!

Но это было пока только первое, чисто внешнее восприятие.

Сначала гости познакомились с первыми классами. Там шли уроки на таджикском и русском языках; третий язык — английский — в этих классах пока преподается как обычный предмет. Тем не менее девочки и мальчики всех национальностей, живущих в республике, приветствовали гостей по-английски.

Поразило гостей и то обстоятельство, что педагоги — многие из них молодые, с новенькими университетскими значками — тоже люди разных национальностей: таджики, узбеки, русские, татары, евреи, украинцы. И все говорят по-английски как на своем родном языке, все интеллигентны и современны в лучшем смысле слова, все дружны между собой, как люди общего творческого труда.

— Вот это решение национального вопроса! — вырвалось у одного журналиста, когда гости вышли из учебного корпуса.

— Да, здесь растет прекрасное будущее,— заметил второй.

— Такой когда-нибудь будет вся земля,— мечтательно произнес третий журналист — из газеты Австрийской компартии.

Л. СТЕПАНОВ

Абдужабор КАХХОРИ

СИМВОЛ НЕЗАВИСИМОСТИ

Все помнит пушка: лондонский туман,
Как в корабельный трюм ее грузили,
Как привезли ее в Афганистан,
Как на большой лафет установили.
«Огонь! — кричали.—
Бей, как ураган!»
И заряжали вновь.
И вновь палили.

Но там, где ею был один убит,
Взамен его десятеро вставали.
И где был сотней трупов дол покрыт,
Там тысячи оружье в руки брали.
И содрогнулся хищник, бросил щит...
И выстрелы ее отгрохотали.

И видит пушка:
не сломить народ,
Меч обнаживший за свою свободу,
И, повернув жерло,
Гремит и бьет
В своих хозяев —
нет им дальше ходу!
И с честью службу новую несет,
Но уж не льву английскому в угоду.

Умолкла пушка, впала в забытье.
Но если вы Кабулом проходили,
На площади вы видели ее,
Ту пушку —
память незабвенной были,
Когда афганцы, с бою взяв ее,
Свою свободу миру объявили.

Перевел с таджикского Владимир Державин.

Шохмузаффар ЕДГОРИ

ПОСОХ СТАРОСТИ

Шествуют куда-то напрямик
оба-два — старуха и старик.

Шествуют бок о бок не спеша,
как одна взаимная душа.

То ли он наперсницу забот
под руку внимательно ведет,

то ли, понимания полна,
помогает спутнику она.

Смолоду на дворике села
их любовь, как яблонька, росла.

А теперь надежно служит им
обоюдным посохом одним.

Перевел Ярослав Смеляков.

Л. Ф. Щеткин.

НЕ ПЕРЕСТАНЕШЬ УДИВЛЯТЬСЯ

Первые номера ленинской «Искры» и «Правды», первые марки и денежные знаки Республики Советов и даже первые марки и денежные знаки государства Российского... Леонтий Федорович Щеткин — один из упорнейших собирателей. Старый коллекционер, он и нумизмат и филателист.

В тесной комнате, набитой ящиками и ящичками, собраны монеты тридцати четырех стран!

Но нумизматика и филателия — это только два увлечения Леонтия Федоровича.

Вот в старых руках его небольшой плоский камень.

— Приглядитесь внимательнее,— улыбается Щеткин.— Тысяча чертей. Это уже не камень, а собака. Пасть, глаз... Ну, прямо настоящий сеттер!

Глаза Леонтия Федоровича загораются. Он не перестает удивлять. На стол шлепается зеленый камень. Жаба!

В музее Леонтия Федоровича сто тысяч жуков, бабочек, стрекоз и других насекомых. Стекло, стекло, а под стеклом многие сотни булавок. Первые бабочки пойманы Леонтием Федоровичем еще в XIX веке, ему тогда было пять лет, и он бегал за ними на окраины Симбирска. Да, Л. Ф. Щеткин родом из города на Волге, он и учился в той же гимназии, что и Володя Ульянов... С тех гимназических лет страстный любитель природы изучает мир насекомых, птиц, растений. Принесите ему яйцо любой птицы — и он вам скажет, чье оно. У Леонтия Федоровича немалая коллекция яиц. Своего сына Юрия он тоже сызмала водил по тропам науки. А сейчас Юрий Леонтьевич — один из крупнейших орнитологов республики, он работает в Институте зоологии и паразитологии Академии наук Таджикистана.

Л. Ф. Щеткин не ученый в прямом понимании этого слова. Он любитель природы. Он отдавал и отдает ей часы досуга. А трудовая его биография начиналась еще в ЧК, когда ее возглавлял Феликс Дзержинский.

Двери дома Леонтия Федоровича всегда открыты настежь, только вот дом-то тесноват и староват для того, чтобы стать музеем, своеобразным клубом душанбинских любителей природы. Самое время городским властям помочь Леонтию Федоровичу.

Атахан ЛАТЫПОВ,
сотрудник газеты «Комсомолец Таджикистана»

СТАРИК ИЗ КИСТАКОЗА

Медленно движется старенький велосипед по центральной улице кишлака. На нем молодой человек лет двадцати трех. Это сельский почтальон. Он смотрит по сторонам, здоровается со знакомыми, перебрасывается с ними шутками. Заметив у дверей чайханы старика с аккуратно подстриженной бородкой, почтальон останавливается и с почтением приветствует его:

— Хорошо, что встретил вас! Вот ваши газеты — «Правда», «Известия», вот и новый номер «Огонька».

— Спасибо, сынок. А ты не достал ту книгу, о которой я просил?

— Какую книгу?

— «Шесть веков слова». О классиках таджикской литературы.

— Нет, пока не достал. Но я зайду в библиотеку.

— Эх ты, простофиля, неужели ты думаешь, что, если бы эта книга нашлась в библиотеке, я бы стал тебя утруждать? Она выпущена малым тиражом. А жаль, очень жаль.

Зовут старика Турабобохон Ахрори. Ему около восьмидесяти лет. В кишлаке Кистакоз, Ходжентского района, и стар и млад знают и уважают его. А история о том, как он стал читателем «Правды»,— давняя история.

Когда-то Ахрори учился в кокандской медресе — в мусульманской духовной школе. И вот попала в его руки газета. Это была «Правда». Многое в газете было сначала непонятным. Но именно она постепенно открыла глаза Ахрори, заставила задуматься... Отец Турабобохона был влиятельным ишаном, что по христианской мерке соответствует званию архиепископа. И Турабобохон должен был унаследовать этот сан... Но он отказался. Он дал себе слово посвятить жизнь просвещению народа. Ахрори был первым подписчиком газет в Кистакозе. Он сам читал газеты и пересказывал их содержание односельчанам, а потом приохотил и соседей к чтению, стал распространять среди них местные газеты «Садои Туркистон», «Садои Форгона».

С тех пор прошло много лет. Но старый Турабобохон попрежнему в курсе событий, происходящих в нашей стране и за рубежом.

С. ШАФКАТ,
сотрудник газеты «Точикистони Советй»

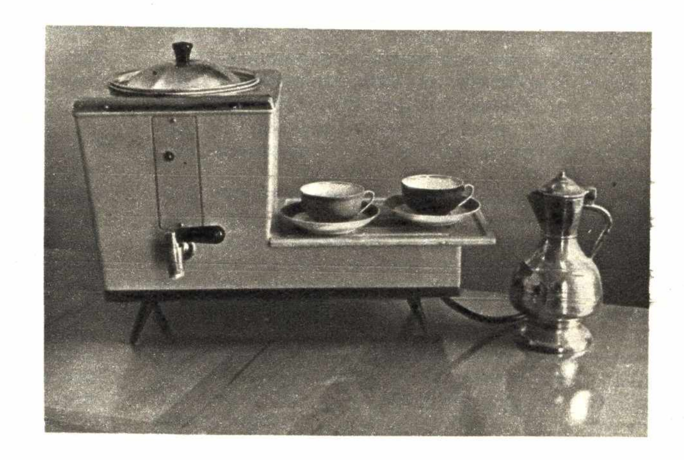
КЕТМЕНЬ И КОФЕВАРКА

На окраине Ленинабада возле остатков древней крепостной стены раскинулся новый промышленный район. Завод «Металлист» — одно из крупнейших предприятий республики. Работают на нем потомки таджикских кустарей, тех самых, которые век за веком сашлифовали свое ремесло, доводя его порой до подлинного искусства. Видимо, это унаследованное стремление к совершенству и привело к тому, что каждый третий рабочий — рационализатор. Литейщик Максуд Мирсаидов, слесарь Абос Хашимов, мастер Хашим Умаров и десятки других рабочих отдают свое свободное время изобретательству.

Еще несколько лет назад завод выпускал только кумганы (металлические кувшины) да кетмени. Все это не шло дальше республики. Потом, когда начали делать металлические кровати, география расширилась — завод выполнил большой заказ Афганистана.

В первом году пятилетки «Металлист» освоил выпуск электросветильников, которые освещают улицы и заводские цеха не только в соседних республиках, но и в Прибалтике, на Кавказе, на Дальнем Востоке. Сейчас первыми в стране ленинабадцы начинают изготовлять для предприятий общественного питания электрокофеварки. Кофеварка удивительно проста в обращении, удобна и элегантна.

Т. ЗБРОЖЕК,
корреспондент газеты «Коммунист Таджикистана»

Мирсаид МИРШАКАР

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

Пляшет речка, быстра и обильна.
Как люблю я тебя!
Ты всесильна:
Без тебя наплывают барханы,
Без тебя облетают тюльпаны.

Так стремись через горные цепи,
Убегай в опаленные степи,
Чтоб с тобой, средоточием света,
Стали весны зеленого цвета.

До чего ты остра и колюча,
До чего ты быстра и могуча,
Вся — волненье мое, озаренье,
Вновь рожденное стихотворенье.

Беспокойствием света согрета,
Молода, словно сердце поэта,
Все творишь ты светло и подробно,
И устать тебе — смерти подобно.

Так стремись,
Перекаты сметая,
Вечно юная, вечно живая.
Та, чьи волны победами льются!
Я люблю тебя.
Ты — Революция.

Перевела Марианна Фофанова.

А. ШУКУХИ

КРУГЛОТА

Шутка

Должно быть, заприметил ты,
Как много в жизни круглоты:

Кругла луна, давным-давно
И у бочонка кругло дно.

И ты, застигнутый врасплох,
Произнесешь округло: «Ох!»

А как нас ма́нит и влечет
Подобный круглой вишне рот,

Два полукружия бровей
И облик весь любви твоей!

И оттого печально, друг,
Что у разлуки замкнут круг,

Что ей конца и края нет,
И этот круг — источник бед.

Перевела Т. Стрешнева.

АРЗАМАС

Фазлиддин МУХАММАДИЕВ

Рассказ

Рисунок Л. ХАЙЛОВА.

Просторная комната райсобеса переполнена. Заведующий принимает посетителей, сидя в углу за столом, покрытым зеленым сукном в чернильных пятнах. Среди ожидающих приема — и лектор райкома Закир Мухаббатов. Заведующий райсобесом удивленно поглядывает на него. Молодые люди нечасто появляются здесь.

Но Закир пришел сюда не из любопытства. Ему хотелось найти человека, видевшего Ленина. Две недели Закир безуспешно занимался поисками. Сейчас он сидел на скамье рядом с инвалидами войны, стариками и старухами и думал, что, может быть, кто-нибудь из них встречался с Лениным.

Закир готовил лекцию о вожде революции и хотел оживить ее новым материалом.

Прием посетителей шел медленно. Закир вынул из кармана газету и принялся за чтение. Рядом тяжко вздохнул щуплый загорелый старичок и принялся массировать ногу ниже колена.

— Ноет,— словно извиняясь, произнес он.— К дождю, видно...

— Ничего не поделаешь — весна,— закивал головой инвалид.

— Сев затягивается,— вмешалась в разговор пожилая колхозница.— Дождь бы и не нужен.

Другой инвалид, сидевший на полу возле двери, загораживая проход, видимо, хотел развеселить присутствующих и сказал:

— А ты, старый, смажь ноги жирком, все пройдет, никакого дождя не будет,— но, увидев, что никто не рассмеялся, продолжал:— Без смазки ни на что и не надейся. Не зря сам дьявол сказал: «Смажь землю маслом — я и ее буду есть».

Сосед Закира продолжал растирать ногу. Все молчали. Слышно было, как заведующий что-то терпеливо втолковывал старухе.

Закир снова уткнулся в газету. Вдруг его сосед поднялся с места и уселся на пол.

— Что вы, отец?!

— Не могу, сынок,— смущенно проговорил тот.— Никак не привыкну к стульям и скамьям. Посижу немного — все тело начинает ныть. На полу как-то сподручнее.

— Не горюй, старый,— развязно вмешался все тот же балагур.— Все равно министром тебя не назначат, так что не придется тебе рассиживать в креслах, да к тому же не сегодня-завтра посадят тебя на деревянную кобылу — и айда на погост!

Его слова словно кипятком ошпарили всех присутствовавших. Перебивая друг друга, люди накинулись на грубияна:

— Как ты можешь такое говорить старику!..

— Как не стыдно!..

— Началась проработка! Любят у нас воспитывать,— пробурчал себе под нос грубиян и, достав папиросы, заковылял из комнаты.

Присутствовавшие поговорили еще некоторое время, и вскоре снова наступила тишина.

Наконец подошла очередь Закира.

— Мне нужен человек, который видел Ленина,— без лишних слов обратился он к заведующему райсобесом.

Тот недоуменно вскинул глаза на посетителя.

— Да, да, мне хотелось бы найти человека, видевшего Ленина,— повторил Закир.— Я из райкома,— с запозданием представился он.— У вас имеются списки участников гражданской войны, старых пенсионеров... Вот я и подумал...

— Да, такие списки у нас есть. На каждого пенсионера заведено личное дело. Но ведь они в анкетах не пишут, видели ли они Ленина...

— Что же мне делать?..— растерянно произнес Закир.

Заведующий позвал инспектора, но и тот ничем не мог помочь.

Закир распрощался и уже собрался было уходить, как вдруг старик с больным коленом остановил его.

— Я знаю нужного вам человека, сынок,— сказал он.— Мой сосед видел Ленина. Во время революции видел. Своими глазами. К сожалению, я должен ехать в Душанбе, иначе бы проводил вас. Но вы и сами без труда разыщете его. Отправляйтесь в Янги-Базар, зайдите в большую чайхану и спросите Шафеамака. Вам каждый покажет.

* * *

Шафе-амак жил со своей старухой в маленьком опрятном домике. Весь двор, за исключением узкой дорожки от калитки до крыльца, был в цветах. В саду буйно, словно усыпанные хлопком, цвели вишни. Под деревьями стояли ульи. В воздухе жужжали тысячи пчел, и от этого казалось, будто все в дворике поет.

Шафе-амак, несмотря на почтенный возраст, был довольно бодрым, розовощеким стариком с живыми карими глазами. Он приветливо встретил гостя, пригласил в дом. Там тоже было много цветов. Они стояли на подоконниках, на полках, прямо на полу в аккуратных глиняных горшках самых разных размеров. Маленькая, удивительно подвижная старушка уже накрывала на стол, и через минуту среди тарелок с разными яствами и мисок с медом возвышался небольшой, начищенный до блеска самовар.

— Принеси сотовый мед,— обратился к жене старик.

— Пожалуйста, не беспокойтесь,— смущенно говорил гость.— Я ненадолго...

— Какое может быть беспокойство! Мы как раз собирались завтракать. Вы в самое время попали. Как говорится, счастливчик, теща, видимо, вас любит.

Старушка принесла и поставила на стол большую миску с сотовым медом.

— Угощайтесь, сынок,— придвигая к нему тарелки и миски, потчевала она.

— Мед, мед берите,— вторил жене Шафеамак.— Нет в мире ничего более полезного, чем мед. Кровь очищает, укрепляет нервы, а для печени и говорить нечего...

Когда Закир рассказал о цели своего посещения, старик расцвел.

— А зачем вам это? — поинтересовался он.

— Приближаются Ленинские дни. Мы расскажем о вашей встрече с Лениным колхозникам, рабочим, учащимся. Пригласим на торжественное собрание, и вы поделитесь воспоминаниями.

— Я часто беседую с учениками нашей школы,— с гордостью сказал старик.

— А теперь побываете и в других школах. В районе, наверное, кроме вас, нет участников гражданской войны, которым посчастливилось видеть Ленина.

— Да, да,— поддакнул старик.— Жизнь человека проносится, словно вода в горной речке... А все кажется, будто еще вчера я был молодым, как вы...

* * *

Вот что рассказал Шафе-амак о своей единственной встрече с Лениным.

После того как Колчак был отброшен за Урал, часть, в которой служил Шафе-амак, направили на запад. Именно тогда Шафе-амаку и довелось увидеть вождя революции и слышать его речь перед бойцами.

Надо сказать, Шафе-амак с четырнадцатого года был оторван от родных мест, мечтал вернуться домой, и все к тому и шло, как вдруг — на тебе! — Деникин. С гневом и грустью глядел Шафе-амак на сожженные села, толпы беженцев. Он видел мучения людей, знал голод.

Пришлось ему как-то трое суток пролежать в болоте под обстрелом. В таком обмундировании не пролежишь и часа, но под пулю тоже неохота лезть. Сапоги протекают, шинель, латанная на спине, пропускала и влагу и ветер.

С шинелью же произошла интересная история. Однажды во время затишья Шафеамак, тогда ротный повар, отвел свою походную кухню в лесок, развел огонь, рядом повесил сушить шинель, а сам отправился за хворостом. А тут, как назло, неприятель возобновил артобстрел, и, когда Шафе-амак вернулся с дровами, кухни не было и в помине. Прямым попаданием снаряда убило лошадь, а поодаль на сучьях дымилась шинель. Сбросив ее на землю, Шафе принялся топтать ее ногами, потом стряхнул с нее кашу и увидел на спине огромную дыру величиной с доброе блюдо. Он с неделю искал кусочек сукна и, не найдя его, поставил заплату из мешковины. Осень была холодная, слякотная, и спина у Шафе мерзла и все время невыносимо чесалась.

— Не горюй,— ободряли друзья.— Поймаем Деникина — отдадим тебе его шубу.

Вскоре их перебросили в Арзамас на переформирование. В часть влились новобранцы, батальону выдали новое обмундирование, оружие, а шинель у Шафе осталась прежняя.

Однажды в сумерки их погрузили в теплушки. Но не успели бойцы расположиться, как вдруг раздалась команда всем выйти, построиться на митинг.

— Нашли время митинговать, лучше бы по котелку горячего супа на двоих дали...— ворчали бойцы.

Шел мелкий, пронизывающий дождь, грязь хлюпала под ногами.

Но тут разнеслась весть:

— Ленин приехал!

— Ленин будет говорить!

Словно могучая волна подхватила бойцов и вынесла на площадь. У вокзального подъезда уже толпились красноармейцы, и Шафе с товарищами оказались в последних рядах.

Появился Ленин, и площадь стихла. И до этого приходилось Шафе-амаку слышать речи командиров и комиссаров, но никто так просто, так ясно не говорил о том, ради чего Шафе Рабиуллин кормит вшей в окопах, никто так убедительно не рассказывал, что принес трудовому народу Октябрь.

С тех пор носит в своем сердце Шафе Рабиуллин это светлое воспоминание. Десятки раз глядел он смерти в глаза, тонул в реках, увязал в болотах, не раз был ранен, умирал от голода и жажды, полз по горячим пескам, ходил в атаки. Слова Ленина, его наказ, словно талисман, отвращали от Шафе все напасти и поддерживали его дух в самые трудные годы.

* * *

До рассвета просидел Закир Мухаббатов, готовясь к лекции. Он привлек много интересных материалов из воспоминаний Горького, Крупской, Бонч-Бруевича, Фотиевой и заканчивал лекцию рассказом старого Шафе, пенсионера, который скромно проработал в столовых Янги-Базара несколько десятилетий.

Придя утром на работу, Закир прочитал свою лекцию руководителю лекторской группы. Тот внимательно слушал, одобрительно кивая головой, но, когда Закир перешел к заключительной части, вдруг насупился и принялся нетерпеливо постукивать пальцами по столу.

— Ну, что скажете? — закончив чтение, спросил Закир, заметивший перемену в настроении своего начальника.

— Где произошла эта встреча?

— Вы имеете в виду митинг, на котором Шафе видел Ленина? В Арзамасе.

— В Арзамасе, Горьковской области?

— Да, в том самом.

— М-да...— хмыкнул руководитель и укоризненно покачал головой.

— А что?

— А то, что Ленин никогда не бывал в Арзамасе.

— Как?!

— Очень просто. То есть в том году, о котором рассказывает ваш повар, Ленина в Арзамасе не было. Может быть, в молодости, учась в Казанском университете, он и проезжал через Арзамас... Дорогой Закир-джон, вы же человек образованный, читали и изучали труды Ленина, так неужели вы...

— Шафе-амак не мог обмануть,— прервал его Закир; слова «ваш повар» особенно задели его.— Не такой это человек...

— Что скажет народ, если мы станем включать в лекции небылицы? Если кто-нибудь расскажет вам о своих встречах с Марксом в Душанбе, вы тоже поверите?

— Есть люди, которые не говорят неправды,— не поднимая головы, отозвался Закир, хотя голос его уже не звучал с прежней уверенностью.

— Старых выдумщиков хоть пруд пруди,— заключил руководитель лекторской группы.— Они наплетут вам такое, что сам черт не разберет. Не понимаю только их целей. Славы хотят, что ли?!

* * *

Несколько дней спустя Закир трясся в кузове грузовика, возвращаясь из очередной командировки, как вдруг на лугу увидел двух стариков. Один из них был в чалме и халате, другой — в костюме и вышитой красной бархатной тюбетейке, какие носят татары. Закир забарабанил по крыше кабины. Машина остановилась.

Закир узнал Шафе Рабиуллина и его соседа, с которым познакомился в райсобесе. Они устанавливали на лугу ульи.

«Удачно, что встретил сразу обоих,— подумал Закир.— Может быть, они считают, что из уважения к их сединам люди станут верить каждому их слову...»

Старики встретили его радостно.

— Шафе, разведи примус, пока я схожу за водой,— сказал старик таджик и, взяв чайник, начал спускаться к реке.

Шафе-амак вынес из палатки дастархан, расстелил на траве, разложил на нем лепешки, яйца, поставил горшок с кислым молоком. Снуя между палаткой и дастарханом, он все время извинялся перед гостем:

— Сейчас, сейчас, одну минуточку...

— Дедушка, я хочу сказать вам только одно слово,— пытался остановить его Закир, но старик и слушать не хотел.

— Еще минуточку, сынок! Приготовлю все, сядем и спокойно побеседуем.

Он снова скрылся в палатке, и вскоре до слуха Закира донесся шум примуса, и тут же появился Шафе-амак, держа в руках миску с сотовым медом, которым пчеловоды угощают самых дорогих гостей.

— А теперь можно и к беседе приступить,— усаживаясь, сказал старик.

Глядя на радостное, просветленное лицо Шафе-амака, на его приветливую улыбку, Закир вдруг почувствовал неловкость. Он не знал, как приступить к разговору.

Шафе первым нарушил молчание:

— Как поживаешь, сынок? Все ли в твоей семье здоровы?

— Благодарю, дедушка, все хорошо... Я хотел сказать вам, что я... что мы... что мы не смогли использовать ваш рассказ... В книгах написано, что Ленин не был в Арзамасе в том году...

— Не был?! Как не был?! — Старика словно ударили обухом по голове.

— Не был, и тут уж ничего не поделаешь,— развел руками Закир.

Наступило тягостное молчание.

Шафе-амак машинально поднес ко рту горшок с кислым молоком. Руки у него дрожали. Он склонился над дастарханом, простокваша стекала по бороде и капля за каплей падала на колени.

«Ну и дела!» — подумал Закир, не ожидавший, что его слова произведут такое впечатление. Ему хотелось успокоить старика, сказать ласковое слово, но, глядя на согбенную фигуру, он не мог ничего вымолвить.

Наконец Шафе-амак поставил горшок с кислым молоком на скатерть, поднялся и, молча, едва передвигая ноги, пошел вниз по склону.

Ошеломленный Закир остался сидеть на месте, как прикованный. Он увидел, как старики встретились, о чем-то поговорили, затем Шафе-амак опустился на землю, а его друг таджик начал быстро взбираться к палатке, разливая воду из чайника, который он так бережно нес до сих пор. У палатки он отшвырнул от себя чайник, загасил примус и, приблизившись к Закиру, сказал:

— Иди, сынок, иди к своим начальникам и скажи, что Шафе Рабиуллин никогда не говорил слова неправды. Скажи, что Шафе ничего не выдумал. Он своими глазами видел Ленина. Скажи еще: сосед Шафе клянется именем бога и жизнью своих четверых детей, что Шафе Рабиуллин никогда не врал в своей жизни.

Голос старого таджика дрожал. Он подобрал чайник и поспешил к своему другу, который неподвижно сидел на траве.

* * *

На следующее утро в райком партии пришла жена Шафе-амака. Молча, поджав губы, она подошла к столу Закира, положила перед ним сложенный вчетверо листок бумаги и, не глядя на Закира, произнесла:

— Шафе сказал, чтобы вы прочитали эту бумагу.

Это была копия приказа Михаила Васильевича Фрунзе, в котором красноармейцу Шафе Рабиуллину объявлена благодарность за образцовую службу в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии, за смелость и мужество, проявленные в боях против белогвардейцев...

— Прочли? — только и спросила старушка, беря бумагу из рук лектора райкома. Она бережно сложила ее, завернула в платок и, не попрощавшись, вышла.

* * *

Все, о чем мы рассказали, случилось два года назад. Шафе-амак и его друг живы и здоровы. Весной они по-прежнему грузят свои ульи на машину и отвозят на горные склоны повыше Файзабада или на луга Оби-Гарма.

Если вам придется побывать в тех краях, вы встретите их. А если вам захочется быть их гостем, они непременно попотчуют вас сотовым медом, который, по словам Шафе-амака, очищает кровь и успокаивает нервы.

Закир Мухаббатов по-прежнему работает в райкоме. Каждую весну, в Ленинские дни, он рассказывает людям о встрече Шафе-амака с Лениным, опуская только одно слово — Арзамас. Пусть люди думают, что Шафе-амак видел Ленина в Москве. Не это главное. Ведь все знают, что Ленин был в сердцах людей, что Ленин был везде и что дело тут совсем не в Арзамасе...

Перевел с таджикского
Ю. Смирнов.

ЛЮДИ И ГОРЫ

Вл. ПАВЛОВ

Путешествуя по Таджикистану, мы только и слышали, что о Нуреке.

— В Нуреке были? А будете? Как же, как же, надо! Без Нурека, дорогой, о нашей республике не расскажешь!

И вот наконец Нурек.

Давно ли мы впервые услышали о нем? Пять, ну шесть лет назад. Первые камни будущего города заложены еще позднее... А нынче он уже есть. Он молод, этот город немалый, с собственным техникумом и институтом, и многие старожилы лишь недавно завели бритвы. А родившееся тут поколение горожан пока не доросло до школы и обходится детским садом... Однако к городу мы еще вернемся. И те, кто спрашивал нас, поедем ли мы в Нурек, и те, кто утверждал, что без этого не рассказать о Таджикистане, имели в виду вовсе не город, а сооружение куда более сложное и крупное — Нурекский гидроузел и главную его часть — плотину.

Гидроузел этот сравнить попросту не с чем. Никто и нигде не возводил еще плотин такой высоты — ее гребень на целых семнадцать метров будет ближе к небу, чем верхушка знаменитой Эйфелевой башни. И эта самая высокая из плотин сооружается в районе, подверженном землетрясениям. Да, здешняя земля не шутит: за два дня до приезда в Нурек в местечке Пархар на рассвете нас разбудил подземный толчок.

Интересно, что сама плотина будет сделана не из бетона и не из камня, а из суглинка. Дело тут не только в том, что выложить целую гору из бетона очень дорого, но и в том, что более пластичный суглинок лучше противостоит подземным толчкам. Прежде чем окончательно выбрать материал для плотины, проектировщики сделали модель Нурекской ГЭС и при помощи взрывов устроили форменное землетрясение. Модель с честью выдержала испытание: в теле плотины не образовалось ни единой трещины. Сейчас в старом русле Вахша, который отведен в специальный тоннель, вовсю разрабатывается котлован под фундамент будущей плотины. Рычат тяжелые «четвертаки» — двадцатипятитонные самосвалы и угловатые, похожие на чемоданы «БЕЛАЗы». Со скрежетом убирают упрямый скальный грунт мощные экскаваторы «ЭКГ»...

Мы остановились у одного из них. В кабине — Нисор Нигматов, делегат XXIII съезда КПСС. Заговорили.

— Я с детства железки любил,— отвечает на наш вопрос Нигматов.— Оттого и экскаваторщиком стал. Откуда такая любовь, не знаю. И отец и мать — дехкане, всю жизнь в поле работали... А экскаваторщиком я стал не здесь — на родине, в Дангаре... Окончил училище и пошел работать на дорожно-эксплуатационный участок. А как узнал, что в Нуреке делается, потянуло сюда. Прихожу, а меня не принимают. Нет еще разворота работ. Осенью приходи, сказали. Вернулся я в Дангару. Вроде и неплохо в родном кишлаке, и работа на экскаваторе нравится, а меня сюда тянуло. Подождал, пока убрали хлопок. Попросил мать, собрала она хурджум, сунула свежих лепешек и кусок баранины, двинул я снова в Нурек. Прихожу прямо к начальнику. Хороший человек. Повертел в руках заявление, видно, хотел отказать, но подумал и говорит: «Нет у нас сейчас мест на экскаваторе. Пойдешь слесарем?» А я любой работе рад — лишь бы в Нуреке. Пошел слесарем, дождался, когда новая техника пришла,— сел на экскаватор. По специальности. Ну, думаю, больше ничего не надо. Но человеку все мало. Поступили к нам скальные экскаваторы «ЭКГ». Вот он, красавец. На электричестве работает. Ковш любой камень берет. Три-четыре ковша опрокинул—полный «четвертак». Опять пошел я к начальнику, попросился на курсы. Окончил — пересел на «ЭКГ». Нет, не ошибся — золотая машина. Вот я сейчас работаю, а вечером меня напарник сменит. Я отдыхать уйду, а машина снова за дело. Вот как!

Нисор Нигматов не одинок в своей привязанности к стройке, к машинам. Сотни вчерашних хлопкоробов, так же, как и он, с детства любившие «железки», навсегда связали свою жизнь со строительством: знаменитый взрывник Тавар Курбанов, комсомольский секретарь Ермахат Загаков, крановщица Джумагуль Назарова и много других...

Не шутит в Нуреке земля, не шутят и горы: после взрывов, без которых строители не могут тут ступить шагу, с круч срываются камнепады, над дорогами нависают глыбы, готовые рухнуть от малейшего сотрясения. Чтобы отвести беду, в Нуреке пришлось организовать неизвестную другим стройкам бригаду альпинистов-скалолазов, отобранных и обученных известным покорителем памирских вершин заслуженным мастером спорта СССР и заслуженным тренером Таджикской республики Николаем Артемьевичем Галустовым.

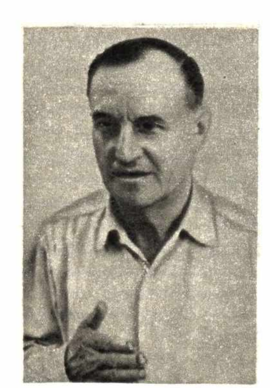
— Самое сложное — отбор,— рассказывал Николай Артемьевич.— После контрольного восхождения кое-кого пришлось отсеять. Обижались... А я им: «Ты, дорогой, можешь, конечно, на меня обижаться, зато жить будешь долго!»

Под руководством своего бригадира Якуба Мамедалиева и его заместителя по альпинизму (есть в бригаде и такая должность) Эдуарда Бочкарева скалолазы что ни день обходят теснины, вооружившись кошками, скальными крючьями, капроновыми веревками, уверенно штурмуют отвесные кручи, сбрасывая с высоты живые глыбы и следя, чтобы, не дай бог, не ожила и сама круча.

Суровая природа Нурека, узость теснины, в которой сооружается плотина, сам Вахш—в переводе с таджикского «дикий»,— вполне заслуженно получивший свое название, предъявляют к нурекчанам куда более высокие требования, чем к строителям равнинных гидроузлов.

— На равнине можно взять количеством,— сказал начальник строительства Егор Кузьмич Седых.— Ежели обозначился прорыв, можно сконцентрировать побольше техники, вырвать успех... У нас штурмом не возьмешь. Нужна четкая организация, безукоризненно точное совпадение всех операций во времени и в пространстве. В этом главная трудность...

Признаться, не ожидал увидеть начальника строительства столь молодым. Думал встретить убеленного сединами строительного зубра, начинавшего свою деятельность, может, еще на Днепрострое. А Егору Кузьмичу нет и сорока. Своей уверенной повадкой и кожаной курткой с мол-

Наборщик

Мы с Гайфулло часто встречаемся. Этот человек — живая история нашей республиканской печати. Двадцатые годы для партии и таджикского народа были очень тяжелыми. Укрепление местных органов молодой Советской власти, борьба с культурной отсталостью населения, с неграмотностью — десятки больших задач, которых без печатного слова не решить!

А вокруг свирепствовали муллы, басмачи и подкулачники. В Гиссарской долине — шайки Тимурдадха, в Вахшской долине — Ибрагим-бека, в окрестностях Варзоба — Рахмандадха... Осенью 1924 года из Термеза в Душанбе была отправлена группа красноармейцев. Путь между Термезом и Душанбе был очень опасен. В рядах Красной Армии был мой нынешний друг, рядовой Гайфулло Нурмухаммедов, по профессии наборщик. Он вез с собой через пески и горы на верблюде две коробки шрифта и маленькую печатную машину — «американку». Во что бы то ни стало доставить шрифт и машину в Душанбе! Таков был приказ.

И вот караван верблюдов под охраной красноармейцев двинулся в пустыню Шурчи. Внезапно появились басмачи, начался бой. Нурмухаммедов развьючил верблюда и спрятал в приметном месте печатную машину и шрифт. Груз в руки врага не попал.

А караван, отбив атаку, продолжал свой путь. Но у кишлака Сельбур, Гиссарского района, бойцы снова схватились с шайкой Ибрагима Абдулова. В разгар атаки басмачей Нурмухаммедов сбросил печатную машину и шрифт в канаву, а после того, как шайка рассыпалась по степи, вытащил их оттуда. Вот так машина и две коробки шрифта прибыли в Душанбе.

10 декабря 1924 года была отпечатана впервые малоформатная газета «По басмачам» (орган политотдела прибывшей воинской части). Набрал ее мой друг Нурмухаммедов, ветеран полиграфической промышленности Таджикистана. А сейчас в Душанбе есть полиграфический комбинат, оснащенный современной техникой. Каждый день печатники выдают полмиллиона газет, тысячи экземпляров журналов и брошюр. У Нурмухаммедова десятки учеников. А сам он теперь уже на пенсии.

Нуриддин ПРИМКУЛОВ,
сотрудник газеты «Точикистони Советй»

ниями он напоминает летчика. Но, несмотря на молодость, у него за плечами немалый опыт: строительство гидроузлов в Куйбышеве и Волгограде да еще диссертация кандидата технических наук, которую он защитил без отрыва от производства.

— Без организации тут ни шагу,— повторил Егор Кузьмич.— Возьмите дороги. На равнинном строительстве о них думать почти не приходится. А у нас движение регулировать, пожалуй, труднее, чем в центре Москвы. Наши дороги вырублены в горном склоне. Серпантин. Уклоны сумасшедшие. Объездов нет. Каждому шоферу приходится объяснять, откуда заехать, как развернуться. И все равно не всякий справляется. А те, что работают, не шоферы — асы!..

Что верно, то верно: дороги тут тяжелые, хоть они и покрыты бетоном. На зигзагах, на крутых подъемах и спусках водителям огромных «четвертаков» и «БЕЛАЗов» разъехаться нелегко. Еще труднее приходится в гололед, который зимами в здешних горах отнюдь не редкость. Всякая задержка на дороге, всякая заминка неминуемо вызывает пробку, приостанавливает работу.

А работы нельзя остановить ни на минуту. Каждый участок строительства — своеобразный узел обороны. Не выстоят его защитники — весь строительный фронт окажется под угрозой. Именно это имел в виду Егор Кузьмич, когда говорил о совпадении всех операций во времени и пространстве.

Вот, например, один из самых напряженных узлов нурекской обороны — участок, на котором в то время, когда мы приехали в Нурек, сооружался второй отводной тоннель. Один точно такой же тоннель уже действует—в него свернул Вахш, освободив свое древнее русло. Но летом, в паводок, когда в горах начнется таяние ледников, этот единственный тоннель не справится. Река, которой некуда будет деваться, неминуемо прорвет перемычку, яростно ринется проторенным тысячелетним путем. И в считанные минуты сметет все. Чтобы этого не случилось, выше действующего в отвесной стене ущелья пробивался второй тоннель (еще выше будет третий), который примет на себя заботы о пропуске полых вод.

До окончания второго тоннеля оставались считанные метры. И самые трудные: склон горы в этом месте ползет. Скалолазам и тут приходилось смотреть в оба, сбрасывая с высоты то и дело оживающие камни. Вместе с ними работали взрывники, подрывая то, что не удавалось свалить вручную.

Но, к сожалению, далеко не одни только суровые горы и дикие воды Вахша противоборствуют строителям Нурека.

— Наш гидроузел,— рассказывает Седых,— проектировался как раз в то время, когда гидростанции были объявлены неэкономичными, строительство их начали свертывать, отдавая предпочтение тепловым. Чтобы защитить проект, проектировщикам приходилось из кожи вон лезть, снижая сметную стоимость Нурека. Вылизали все, что могли. Отказались от самого необходимого и насчитали, что наш гидроузел обойдется в двести девяносто миллионов. Нам приходится пожинать горькие плоды подобного проектирования. Уже в ходе строительства пришлось пересмотреть и изменить проект и смету. Стоимость выросла вдвое. Но все-таки нам и сейчас недостает многого. Взять, например, гравийное и бетонное хозяйство. Они запроектированы мизерными. На них нет обогрева. И зимой нам приходится с огромным трудом, иногда в убыток, готовить гравий и бетон. Да и оборудованием и механизмами, хоть на это и есть средства, стройка обеспечена недостаточно.

— А как же с экономичностью, ежели стоимость станции увеличилась почти вдвое?

— К счастью, Нурек — один из самых экономичных гидроузлов. После его пуска все затраты окупятся за год. При этом электроэнергия — те 11,4 миллиарда киловатт-часов, которые станция выработает за это время, — даст всего восемьдесят миллионов рублей. Остальное — за счет орошения. Сейчас в верховьях Аму-Дарьи, в зоне Каракумского канала, урожайность хлопка очень низка — менее 20 центнеров с гектара. Вахшская вода, переброшенная в этот район мощными насосными станциями, позволит совершать промывные поливы, предупреждающие засоление почвы, давать ей большую влагозарядку да еще передвинет начало сева на месяц раньше. Одно это обеспечит прибавку урожая в 300 тысяч центнеров и, следовательно, триста пятьдесят—четыреста миллионов рублей чистой прибыли в год. Благоприятные условия создаются и для орошения Дангаринского плоскогорья — это еще миллион четыреста тысяч с лишком гектаров, которые будут давать отличные урожаи. А вот другая статья дохода. Летом Вахш более похож на грязевой поток. Воду из него, не пропустив через сложную систему фильтров, пить нельзя. А в оросительных арыках из нее осаждается столько грязи, что их приходится основательно чистить. На это ежегодно расходуется три миллиона рублей. В водохранилище же вода будет отстаиваться и поступать в водопроводную оросительную сеть чистой, как слеза. И эти расходы отпадут сами собой. Я уже не говорю о том, что на нурекской энергии будут работать электрохимический комбинат в Яване и алюминиевый в Регаре да и другие предприятия, строящиеся сейчас в республике.

— Ну, а город Нурек?

Седых покачал головой.

— О Нуреке много спорили! Какие предприятия тут требуются и нужен ли город? Не обойтись ли времянкой? Все-таки построили многоэтажные дома. А жить в них здесь трудно. Жарко.

Есть в Нуреке улица, застроенная так называемыми асуанскими домиками. Домики такого типа проектировались для советских строителей нильской плотины, откуда и получили свое название. Рассчитаны они на жаркий климат. В одном из них мы побывали в гостях у нашего знакомого Нисора Нигматова. Перед домиком посажен небольшой сад, построен навес, увитый виноградными лозами. Тут, наверное, хорошо отдыхать во время изнуряющей среднеазиатской жары. Куда лучше, чем в многоэтажном каменном доме, раскаленном зноем. Внутри хозяин устроил свое жилище на восточный лад: вместо мебели ковры и горы подушек. Стены тоже увешаны коврами. И в саду и во внутреннем убранстве — свой глубокий смысл, отвечающий традиционному укладу таджиков и нисколько не противоречащий требованиям нашего времени.

Кому же отдать предпочтение в споре: быть или не быть Нуреку городом?, Быть может, и в самом деле сторонникам временных сборно-разборных домов?

Думается, все-таки не им.

Современный Нурек предоставляет жителям неизмеримо больше благ и удобств, чем те барачные городки, которые до недавнего времени были неизменными спутниками всех наших строек. Будущие предприятия города получат энергию, выражаясь фигурально, с колеса — прямо от генераторов. К ним не придется тянуть трудоемкие и дорогостоящие высоковольтные линии. Следовательно, что бы ни производили эти предприятия, они окупятся быстрей, чем построенные в других городах. И уж, конечно, как и

Экскаваторщик Нисор Нигматов.

во всяком современном городе, в Нуреке никак нельзя отказаться от возведения больших домов, как, впрочем, и от тихих, зеленых улочек, как та, где мы побывали в гостях.

Правда, в многоэтажных домах (не только в Нуреке, но и по всей Средней Азии!) летом жить трудно. Архитекторам предстоит еще немало поломать головы, чтобы найти материалы и конструкции, отвечающие требованиям знойного таджикского лета. И решительно отказаться от строительства типовых домов, предназначенных для умеренного климата. Однако и в тех домах Нурека, в которых летом жителей допекает жара, есть все возможности избавиться от этой напасти. Ведь рядом вот-вот забьется сердце могучей электростанции. Стоит лишь установить кондиционеры. И тогда все встанет на свое место.

Пройдет время, уедут строители. Их ждут новые стройки Таджикистана — целый каскад могучих гидростанций на реке Пяндж. А город останется. Останется вечным памятником упорству и труду тех, кто раздвинул здешние горы, кто победил Вахш.

Однажды ночью

Связист Пулатджан Ахунов из села Махрам сидел во дворе и ковырялся в телефонном аппарате. Дело шло к концу. Пулатджан привернул контакты и стал надевать крышку.

— Что, не работает?— спросил кто-то рядом.— Вот беда! А мне как раз надо позвонить в Канибадам, сыну...

Ахунов поднял голову.

— Сейчас кончу, Курбан, — отозвался он.— Значит, понадобился телефон? А помнишь, как ты столбы срезал?

Курбан смущенно улыбнулся и опустил голову, промолчал.

Тридцать шесть лет тому назад Пулатджан Ахунов работал монтером в Канибадамской конторе связи. Муллы и басмачи сеяли слухи, что радио и телефон — «порождение шайтана», что пользоваться ими — значит совершать богохульство, идти наперекор воле аллаха... Однажды ночью, во время дежурства Ахунова, неожиданно прервалась связь с хлопкопунктом кишлака Ниязбек. Нечего делать, оседлав коня, Ахунов вместе с четырьмя милиционерами выехал на линию. Вскоре они обнаружили поваленные басмачами столбы. Начало уже светать, когда последний столб был поставлен на место.

Ахунов надел кошки и начал взбираться на столб, чтобы натянуть проволоку. В этот момент неподалеку послышался топот копыт, и вскоре в круг, освещенный отблесками догорающего костра, въехал верховой. Пулатджан узнал в нем своего земляка Курбана.

— Безбожник! — крикнул Курбан, задрав вверх голову.— Не будет тебе милости от аллаха!

— Ладно, ладно!— отозвался Ахунов.— Не надо нам его милостей!

— Ну, смотри! Отсохнет у тебя язык. Узнаешь, как богохульствовать...

Курбан погрозил связисту камчой и, подняв коня в галоп, умчался.

— А ведь наверняка он-то и привел басмачей сюда, к линии,— сказал тогда один из милиционеров.— Видно, и столбы помогал пилить: весь чапан в опилках...

— Может, и так,— отозвался Ахунов.— Темный, муллы запугали.

Давно это было.

...Пулатджан кончил ремонтировать телефонный аппарат, вызвал станцию и попросил соединить с Канибадамом.

— Говори,— сказал он, протягивая трубку Курбану.

Б. ФАЙЗУЛЛАЕВ,
сотрудник газеты «Тоҷикистони Советӣ»

СВЕТИЛЬНИК РАЗУМА — НАУКА

Мухаммед АСИМОВ,
президент Академии наук Таджикской ССР

Корни нашей науки уходят в глубь веков, и все-таки с каждым годом молодеет древо познания, все больше на нем молодых побегов. Недавно, подводя итоги работы Академии наук Таджикской ССР за минувший год, я обратил внимание на рост научных кадров. И что же? Более сорока аспирантов и научных сотрудников удостоены ученых степеней кандидата и доктора наук. Это только за один год и только в институтах нашей академии! Если учесть другие научные учреждения и вузы республики, то цифра перевалит за сто... Есть чему удивиться. Величие самого факта можно по достоинству оценить, если учесть, что первые дипломированные ученые в Таджикистане появились всего три десятилетия назад.

Я помню, с каким восторгом мы, молодежь, встретили весть о присуждении Султану Умаровичу Умарову ученой степени кандидата физико-математических наук. Впоследствии он стал крупным организатором науки в Узбекистане и Таджикистане, имя его носит Физико-технический институт нашей академии. А тогда в местной газете был опубликован очерк, посвященный Султану Умаровичу, и мы, студенты рабфака, наперебой читали этот очерк, бурно обсуждали вклад ученого в науку, хотя тогда мало что понимали в теоретической физике. По вечерам же большинство рабфаковцев сами преподавали на курсах ликбеза. Молодежь жадно училась и одновременно учила. Я тоже преподавал на женских курсах,— помню, что мои ученицы приходили на занятия закутанными в паранджу. Так вот я рискнул прочитать своим слушательницам газетный очерк о Султане Умарове, заранее не рассчитывая на какой-либо эффект. Просто хотелось, чтобы о чрезвычайном для молодой советской республики событии знало побольше людей. Вопреки моим ожиданиям статья вызвала бурную реакцию и среди девушек. Ведь речь шла о сыне Уста Умара — бедного ремесленника из соседнего квартала! Сын бедняка стал ученым, физиком-теоретиком... Это главное хорошо поняли неграмотные девушки в парандже, но уже с книгами в руках.

Кстати, о месте таджички в науке. Сегодня таджички идут в науку широкой дорогой. У нас известны доктора медицинских наук Сабо Хакимова и Кибрие Хасанова, философ М. Гафарова, химик Саодат Баситова, филолог Шараф-бану Пулатова и другие. Нередко Сабо Хакимову и ее подруг, наших коллег, приглашают с докладами во Францию, в США, Индию... Голос таджички звучит на международных симпозиумах!

Теперь несколько слов об Академии наук. У ее колыбели вместе с нашими русскими учителями стояли академики З. Ш. Раджабов и Б. Г. Гафуров, Б. Н. Ниязмухамедов и М. Н. Нарзикулов, А. М. Богоутдинов и А. М. Мирзоев — наши первые историки, лингвисты, биологи, философы. Еще в первые годы Советской власти русские ученые помогли им создать очаги культуры, организовать институты и научные учреждения.

Осенью 1932 года в Таджикистан прибыла бригада АН СССР во главе с ее будущим президентом В. Л. Комаровым. Приезду этой бригады предшествовал ряд научных экспедиций АН СССР, возглавляемых крупными советскими учеными. Они помогали молодой Таджикской республике наладить народное хозяйство, развивать производительные силы, бороться со страшными болезнями. В 1941 году был создан Таджикский филиал Академии наук СССР во главе с выдающимся советским ученым академиком Е. Н. Павловским. А 14 апреля 1951 года в Таджикистане была учреждена Академия наук. Первым президентом ее стал известный писатель, филолог и историк Садриддин Айни.

Ныне в нашей академии восемнадцать научно-исследовательских институтов и научных учреждений. Они ведут исследования по математике, физике, геологии, химии, астрофизике, геофизике, биофизике, зоологии, ботанике, экономике, языку, литературе, истории, философии, востоковедению. На Памире есть база Академии наук, возглавляет там работу молодой ученый, памирец Худоер Юсуфбеков.

О масштабах научных исследований и о степени зрелости наших ученых можно судить по достижениям в области естественных и общественных наук, по результатам работ математиков. Физики-теоретики завершили цикл исследований по вопросам молекулярно-кинетической теории распространения ультразвуковых волн в жидкостях. Эти исследования проведены под руководством докторов физико-математических наук А. Адхамова, Л. Г. Михайлова и кандидата физико-математических наук А. Джураева.

Значительных успехов достигли наши астрофизики в области исследования физических явлений, сопровождающих полет метеорных тел в земной атмосфере, в физике кометных явлений и их связи с солнечной деятельностью. Эти исследования возглавляют молодой ученый, член-корреспондент Академии наук Таджикской ССР Пулат Бабаджанов и действительный ее член О. В. Добровольский. Пулат Бабаджанов неоднократно выступал с докладами на международных конгрессах в США, ФРГ, Италии и в других странах.

Интересны и многообещающи исследования ботаников и зоологов. Следует отметить, что изучение богатого и разнообразного растительного и животного мира Таджикистана, а также его геологии и географии было начато еще русскими учеными до революции, а продолжено в первые же годы Советской власти. Эти исследования связаны с именами видных русских ученых А. П. и О. А. Федченко, Н. А. Северцова, Л. С. Берга, В. Л. Комарова, И. В. Мушкетова, А. Е. Ферсмана, Д. И. Щербакова, Е. Н. Павловского и многих других. Таджикские ученые как бы приняли эстафету из рук своих русских коллег и совместно с ними продолжили изучение богатой природы Таджикистана.

Успеху наших ученых во многом помогает могучее техническое вооружение. В распоряжении таджикских математиков, например, есть великолепные электронно-вычислительные машины. У биофизиков — тончайшие современные приборы, включая электронный микроскоп новейшей марки. Астрофизическая обсерватория оснащена мощными радио- и оптическими инструментами для исследования космического пространства.

Но не только, конечно, космос. Земля, ее недра и ее история — всюду проникает пытливый ум ученого!

Археологические раскопки, проводимые в древнем Пенджикенте, Курган-Тюбе, Шахристане и в других местах, открыли новые страницы древней и богатой культуры народов Средней Азии. Кстати, завершено издание, в котором впервые с марксистско-ленинской позиции обстоятельно освещается древняя и богатая история таджиков. Подготовлен толковый словарь таджикского языка на материале литературных памятников персидско-таджикской и таджикской литературы за тысячу лет. Первый том словаря выйдет к 50-летию Советской власти.

Я лишь бегло окинул взглядом путь, пройденный учеными республики. Наука в Таджикистане, как и в других союзных республиках, представлена не только собственно академией. Большая научно-исследовательская работа ведется и в многочисленных отраслевых институтах, на кафедрах высших учебных заведений, где сосредоточены две трети научных сотрудников. У них также большие достижения. Например, селекционеры под руководством академика В. П. Красичкова вывели новые скороспелые сорта хлопчатника. Животноводы создали высокопродуктивные породы овец и крупного рогатого скота. И вообще я должен сказать, что проблематика наших научных учреждений соответствует интересам развития экономики республики, в ней сочетаются ее хозяйственные интересы с интересами развития науки вообще. Взять, например, Институт физиологии и биофизики растений нашей академии. Разработка фундаментальных вопросов биологии, основанная на современных методах исследований, здесь органически сочетается с поисками путей повышения урожайности, в особенности хлопчатника. К слову сказать, коллектив этого института возглавляет 35-летний доктор биологических наук, член-корреспондент нашей академии Юсуфджан Насыров.

Светильником разума назвали наши великие предки науку. Они и зажгли этот светильник! Они мечтали о тех днях, когда знание станет достоянием народа, будет возвышать и облагораживать людей. Сквозь века, через невзгоды пронес народ эту мечту. Великий Октябрь сделал возможным ее осуществление. Наука ныне оказывает глубокое влияние на формирование духовного и нравственного облика людей, является мощным стимулом прогресса.

Мудрость древних книг вдохновляет молодых на поиск в науке.

Гиссарская обсерватория. Земля таджиков слушает Космос.

Фото Л. Шерстенникова.

◀ Маленькая Марьям, дочь знатного чабана Нурмате Сахарова из совхоза «Гиссар».

Свадьба в колхозе имени Ленина, Пархарского района. Жених молодой колхозник Занджир Девонаев везет в свой дом невесту Хосиатмо Зухурову.

Фото М. Альперта и В. Шустова (АПН).

Николай БЫКОВ

ВОДА

Дальняя дорога запоминается встречами. Если устал смотреть и слушать, зачем отправляться в дорогу?

...Старый годами Мукум Султанов рассказывал за пловом о глубоко личном. А рассказывая, вдруг с истинно восточной щедростью одарил нас такой мыслью:

— Стукнул тот человек кулаком и спросил: какое у тебя образование? Я ответил. Басмачей бил — высшее было. После гражданской войны — среднее образование стало, наркомом назначили... Теперь никакого нет, просто грамотный. Жизнь ушла вперед. И я сам этого хотел.

Мы не оскорбили мудрого Мукума Султанова заверениями, что отцы революции «еще ого-го!». Сказал он такое, чего нельзя мельчить. Не о себе и сказал-то. Герой гражданской войны Мукум Султанов говорил о нашем быстротекущем времени; оно через годы и ледяные завалы пробилось веселой водой в теплые, широкие долины. Он говорил о подвиге поколений и, в общем-то, о счастье человека увидеть свою мечту сбывшейся. Тридцать лет с небольшим минуло с тех пор, как схлынула за кордон мутная волна басмачества, и чуть меньше времени прошло с тех дней, когда выгрузились первые переселенцы в долине Вахша, когда появились на земле таджиков геологи, мелиораторы, гидрологи, строители каскадов электростанций. Одни руки украшали настенные ковры боевыми шашками и брались за кетмени. Другие выносили в мир безводья теодолиты и рейки геодезистов. Третьи — совсем еще несильные — руки быстро выводили на классных досках формулы будущего счастья: «Советская власть плюс...».

И Мукум Султанов мудро радуется тому, что недолгой была нужда в наркомах со «средним образованием». Сейчас много людей действительно высокообразованных. Важно только, чтобы не одним лишь дипломом мерился человек,— вот что еще хотел сказать уважаемый Мукум. Чтобы не менялись со временем критерии истинных способностей творить, искать и побеждать: «Грамота революции, без нее человек, как земля без воды...»

Сколько раз вспоминал я слова Мукума Султанова потом, когда побежала «Волга» по кишлакам и городам Вахшской долины! Дороги Таджикистана... Они поневоле имеют еще какое-то и символическое значение: каждого преодолевшего перевал обязательно ожидает долина в цвету. Вот только что в горах медленно кружили орлы и так же медленно, как орлы, кружили грузовики, поднимаясь по спиралям новенького шоссе... А внизу ликующе взрывается скорость, ровнее гул мотора и перестук успокоенного сердца. И сразу обочь появляется самый радостный спутник равнины — вода.

О воде вернувшемуся из Азии хочется писать так много... Но пусть это великое слово останется в заголовке. Иначе мне не избежать банальностей и придется повторить о воде все спетое поэтами, все сказанное мудрецами и просто жаждущими. Одно напомню: вода — революция на земле, в доме каждого жителя иссохшей долины. А сегодня еще и необходимость мыслить смело и широко. Жизнь во всех ее проявлениях — живая вода таджиков!..

Как быстро прошло то время, когда я, например, искренне удивлялся каждому самостоятельно мыслящему председателю колхоза! Бывало, услышишь нечто выстраданное и благодарно хватаешься за карандаш, а собеседник твой с еще большим откровением глянет глаза в глаза: может, не беспокоиться, так-то оно лучше будет.

Итак, приехали мы в Курган-Тюбе и прямо отправились к раису (председателю) колхоза имени Максима Горького — к Джуре Юнусову. По соседству были более знаменитые хозяйства, но в райкоме партии не без гордости сказали, что любое хозяйство в районе интересно, своеобразно и так называемые середнячки ни в чем не уступают маякам. Для меня маяк — это всегда нечто одинокое. Конечно, он светит, но ведь в темноте же! И светит-то для того, чтобы предупредить о притаившейся беде. Маяк — радость для заблудившихся, и поэтому сравнение передовых хозяйств с маяком всегда вызывало у меня чувство тревоги за тех, кто не попал до времени в светлый круг. Вот почему обрадовался я словам секретаря райкома: «Поезжайте в хозяйства к Юнусову или к Тошматову... Руководители они молодые, хваткие, современные, если можно так сказать».

Можно! Теперь, узнав и Абдуразака Тошматова, и Джуру Юнусова, и Маматаира Махмудова из Вахшского района, и Хабибулло Тагаева из Пархара, и многих других, в основном тридцатилетних раисов Вахшской долины,— теперь могу подтвердить: очень современные люди. Да, имеет определенный смысл ныне такое определение человека...

Так вот, было уже поздно, и приехали мы в гостиницу колхоза имени Ленина — соседнего с колхозом имени Максима Горького, у которого гостиницы еще нет. Пока готовился традиционный плов, был бильярд и был хороший разговор за бильярдом. Два совсем молодых, но уже утвердившихся в своей роли опытных раиса — Абдуразак Тошматов, выпускник Тимирязевки, и Джура Юнусов — рассказывали об изменениях после мартовского Пленума ЦК партии. Все хорошо: и руки теперь у колхозников развязаны, и клин под люцерной расширили, и хлопка больше собирают, и денег больше, и жить стали лучше люди, но...

— Вы, журналисты, любители острого. Тогда скажите: почему не меняется лицо наших заготовителей, их роль и система закупок продукции в колхозах?— спросил, отбросив кий, горячий и откровенный человек раис Джура Юнусов. И, не ожидая скорого и связного ответа, продолжал:— Вы знаете, что многие колхозы в наших краях имеют свои хлопкозаводы. Я выращиваю хлопок, и я же после первичной переработки продаю волокно государству... Казалось бы, чего лучше? Но мы в своем колхозе решили иначе. Мы хлопкоробы. А переработка хлопка — это промышленность. Мы продали свой завод. Соседи теперь смеются! А почему? Да потому, что на хлопкоприемном пункте нас стараются всячески обвести вокруг пальца: приписывают нашему сырцу и большую влажность, и засоренность, и аллах еще знает, какие недостатки. Лишь бы снизить сортность, тип и поменьше нам заплатить. А продавая завод, мы думали о специализации, о том, чтобы подняться в организации хозяйства ступенькой выше! Получается, что мы в колхозе правильно поняли решения партии и правительства, а заготовители? Зачем они стоят между колхозниками и фабриками или магазинами? Ну, были бы у заготовителей приборы, а то ведь сидит там некая Валя и все меряет на глаз или ощупью: и сорность на глаз определяет и влажность — палец сунет... Зачем Валя? Зачем колхозники целое лето проводят в поле ради капризов Вали? Вы думаете, Валя интересы государства защищает? Нет, во-первых, государство—это и колхозники тоже, а во-вторых, мы стараемся сдать хлопок таким, чтобы он прошел первым типом, у нас тонковолокнистые сорта, и мы любим их, стараемся отобрать лучшее волокно и сушим его, зная, что получим хорошую цену. Но сидит Валя... Везем виноград — нас встречает другая Валя, с усами. Везем лимоны — третья Валя держит дощечку с дырками и с силой протискивает через эти стандартные дырки наши крупные лимоны. А везем огурцы богатырские, так Валя заворачивает наши машины: «Не стандарт!» Стандарты эти Валя не пересматривает уже лет тридцать. А к голосу рынка она принципиально не прислушивается, приборов для оценки качества не приобретает, у жизни не учится, произвольно уценяет труд тысяч колхозников — и живет себе припеваючи. Зачем она, я спрашиваю, до сих пор, эта Валя?..

Джура говорил темпераментно, плов остывал, а соседа поддержал сосед — Абдуразак Тошматов, раис богатейшего колхоза имени Ленина. Проблема «Вали» наболела и в долине Вахша, и на берегах Днепра, и в Сибири. Ни заготовители, ни работники госпланов не ожидали, видно, что два-три года самостоятельного хозяйствования на земле дадут такой урожай. Урожай мыслей, и

Было это в пятьдесят третьем году. В Душанбе приехала комиссия отбирать одаренных детей в Ленинградское хореографическое училище. Отправилась в Ленинград учиться и маленькая Малика Сабирова.

Ее дебют на сцене был триумфальным. Юной балерине из далекого Таджикистана аплодировали ленинградцы, пришедшие в Кировский театр на «Щелкунчика». Прославленные солисты прославленного балета поздравляли ее тогда искренне и горячо, а замечательный танцовщик Константин Сергеев преподнес огромную красивую куклу с закрывающимися глазами. Это был первый сувенир.

А сейчас у нее столько сувениров! В память о Лондоне, о Манчестере, о Бирмингаме. В память о городах Индии, Японии, Бирмы...

Летом 1963 года она поехала вместе со своим партнером Музафаром Бурхановым на первый международный конкурс артистов балета — в Варну. Молодая пара покорила всех искренностью, проникновенностью исполнения, техническим мастерством. Они исполняли адажио из балета Асафьева «Пламя Парижа» и из балета Кара-Караева «Тропою грома».

Решение жюри конкурса в Варне было единодушным: представителям Таджикистана присудили диплом и серебряную медаль!

С тех пор прошло три года. Малика стала заслуженной артисткой Таджикской ССР, лауреатом премии Ленинского комсомола республики. На спектакли с ее участием трудно достать билеты. Ведущая солистка Театра оперы и балета имени А. Айни исполняет главные партии в «Шурале», «Дон Кихоте», «Лебедином озере», «Докторе Айболите», «Жизели», «Ромео и Джульетте», «Тропою грома», «Шопениане». Да, такому репертуару можно позавидовать!

Рано МАХМУДОВА

На снимке: Малика Сабирова перед началом спектакля.

Фото М. Альперта и В. Шустова (АПН).

БАЛЕРИНА

оборачиваемых средств, и продукции — зерна, хлопка, мяса, фруктов. Производитель все настойчивее требует выхода непосредственно на рынок. Только не путайте с местом для колхозной лавчонки на районном базаре. Рынок — это категория экономическая, это оперативный простор для умелого хозяина и справедливые законы на основе товарно-денежных отношений. У «Вали», среднее образование которой когда-то удовлетворяло обе заинтересованные стороны, нынче нет никакого образования. У нее лишь затертая инструкция, ничего общего не имеющая с нынешними экономическими веяниями. Заготовители нынче не заботятся ни о таре, ни о транспорте, ни о складах, ни о ледниках-холодильниках. Главное —«Не пущать!». Ему бы приехать в колхоз — в поле, в сад. Примериться, прицениться да законтрактовать бы на корню продукцию — скот или фрукты, зерно или хлопок. Тогда бы он ночей не спал, а вывез бы хлопок, яблоки, мясо в наилучшем виде в город — на рынок, на фабрики переработки или прямо бы в руки потребителя. А дело колхоза—не ударить лицом в грязь, вырастить побольше и, главное, получше качеством, дабы угодить торговой конъюнктуре дня. Торговать, а не сбагривать — это уже искусство. Это сложнее. И отрадно, что колхозники идут охотно на выучку к кок-чая — рассказывал раис Маматаир Махмудов о практике ремонта техники.

— В мастерских районного отделения технику готовят и хуже, и дороже, и медленнее. Колхозу ремонт трактора, например, в собственной мастерской обходится в шестьсот пятьдесят рублей, а в мастерской «Сельхозтехники»—на сто десять рублей дороже. Это в среднем. Почему? Неправилен самый принцип организации работы «Сельхозтехники». Районная контора получает план в рублях. План нельзя не выполнить— тут я их понимаю. И «Сельхозтехника» выполняет всеми правдами и неправдами: заменяет целые узлы, ставит детали подороже... А плохое качество не беда, скоро трактор снова вернется в мастерскую, и тогда еще раз колхоз раскошелится.

Почему же все-таки и Юнусов и Махмудов каждый год ремонтируют два-три трактора в мастерских «Сельхозтехники»? Иначе им нельзя. «Сельхозтехника» централизованно получает и распределяет запчасти. Других источников пока нет. Свободной продажи тем более. Значит, обидишь «Сельхозтехнику», «не поможешь» ей выполнить план — не получишь для колхоза дефицитных запчастей. Но такие «экономические» отношения, такой контроль запчастями не имеют ничего общего с экономикой.

Но, может быть, кому-то видно лучше, чем раису Махмудову? Можно ли безоговорочно доверять его практике, его мнению? Мне кажется, и можно и очень даже полезно для общего блага. Независимо от того, согласны ли с его мнением в «высших кругах» Всесоюзного объединения «Сельхозтехника». Маматаиру нет сорока, но опыт работы — политической и хозяйственной — у него завидный. Сам он из учителей, потом был секретарем райкома комсомола, работал в ЦК КП Таджикистана, был зональным секретарем райкома партии при МТС, а в марте 1957 года дал согласие быть избранным председателем правления колхоза «Коммунизм». Тогда ему было около тридцати лет. Говорить с людьми умел, но к тому времени одного этого уже было мало. Что сказать людям, которые в месяц зарабатывали менее тридцати рублей? И Маматаир сразу же начал учиться. Он получил через пять лет высшее агрономическое образование — заочно. («Профессор сказал мне: оставайся в аспирантуре,— но я еще не все сделал в колхозе».)

Рядом с раисом такие же молодые, знающие специалисты. Они дружно взялись за дело и ведут его славно. В кабинете раиса висят таблицы, прекрасные, как восточные сказания. Вот одна из них: «Экономический анализ развития хозяйства за семь лет». Итог анализа: доход после 1959 года вырос с четырех миллионов рублей до девяти миллионов! Разумеется, это сказалось и на жизни колхозников. Но прежде всего пришла большая вода, а ставка на технику облегчила труд человека с кетменем. Хлопкоробы работают всего-то месяцев семь в году, остальное — планировку, вспашку, нарезку борозд — делают машины. Есть бригады полеводов, у которых два выходных дня в неделю, и пока на заработке это не отражается.

— Четыре года назад,— говорит, разливая кок-чай, раис,— правление постановило, что женщины, у которых пять и больше детей, вообще освобождаются от работы. Колхозу легче им платить, чем оставить тысячи детей без присмотра. Да ведь и няньки все равно нужны.

Сейчас в кишлаках колхоза уже построены три новых десятилетки! Каждый год колхоз строит новые триста домов европейского типа. К 1970 году вместо тридцати старых глинобитных кишлаков будут отстроены десять вполне современных поселков.

— Запишите,— просит Махмудов,— имя нашего экономиста. Саттор Рахимов — гордость колхоза. Ему тридцать семь лет, он начинал мальчишкой в МТС, был табельщиком, потом самоучкой стал учетчиком, но страстно хотел учиться считать в самом широком, глубоко экономическом смысле этого обычного слова. И Саттор добился своего. Честный и умный, он учился, стал главным бухгалтером и снова учился — окончил университет! Понимаете? Когда начался смелый переход на рельсы новой экономики, когда чуть ли не главной проблемой стало добыть для хозяйства экономиста, то у нас такой проблемы не было. Сейчас Саттор Рахимов — заслуженный экономист республики. Первый в Таджикистане!

Я слушал историю экономиста по образованию и по призванию и в который раз за дальнюю дорогу вспомнил мудрого Мукума Султанова: «Грамота революции... Без нее, как без воды».

И еще одна добрая традиция — маслахат, совет стариков. Есть правление в колхозе, есть и партсобрание. Как всюду в нашей стране. А молодой человек в кишлаке Моходжирабад произнес в разговоре за пловом еще и слово «маслахат». Уважаемое слово. Молодой человек — тридцатилетний раис колхоза имени Калинина Хабибулло Тагаев. Мой однокашник — тимирязевец. О чем бы он ни говорил, все возвращался к Тимирязевке: «А помнишь?..»

Раис, сын раиса... О нем бы подробнее рассказать, но дорога бежала вперед... И все же упомяну, что назван кишлак словом «Моходжирабад» не случайно. В переводе с таджикского это значит — переселенец, новосел. В тридцатые годы малоземельные, в большинстве своем небогатые жители предгорий и гор переехали в долины Вахша и Пянджа. Организатором колхоза в Моходжирабаде был Тагай Мехтаджев, отец нынешнего раиса. Вскоре он стал председателем. У Тагая было много детей. Один из мальчишек больше других пропадал в поле. Наблюдая за отцом, он невольно — день за днем — постигал еще одну науку: уважение к человеку труда.

— Маслахат — знаешь, что это такое?— спросил Хабибулло, сын Тагая.— Совет стариков. Горе ли, радость ли—отец шел в дом дехканина.

Хабибулло после десятилетки рискнул поехать в Москву. Сейчас до нас лёту всего-то пять с половиной часов, а еще в 1954 году Москва была очень далека. Юноша поехал — дальняя дорога не страшит молодых.

Когда колхозникам предложили избрать новым раисом сына Тагая, кто-то спросил: «По двадцать рублей в месяц платишь?» Молодой агроном пообещал — всерьез, хотя вообще-то вопрос постороннему мог показаться и смешным. Но только не Хабибулло, который вырос среди этих сожженных солнцем хлопкоробов. И теперь те же люди, но получившие воду и машины, собирают хлопка вдвое больше, чем даже четыре года назад. Люди вспоминали отца и верили сыну. А он верил им: маслахат!.. Ходили кабаны в тугаях — распахали тугаи, и там джугара дает по два урожая в год и до шести укосов дает люцерна. Старая дренажная сеть обновлена. А люди те же, только они вроде бы помолодели с молодым раисом. Старик в чайхане рассуждает:

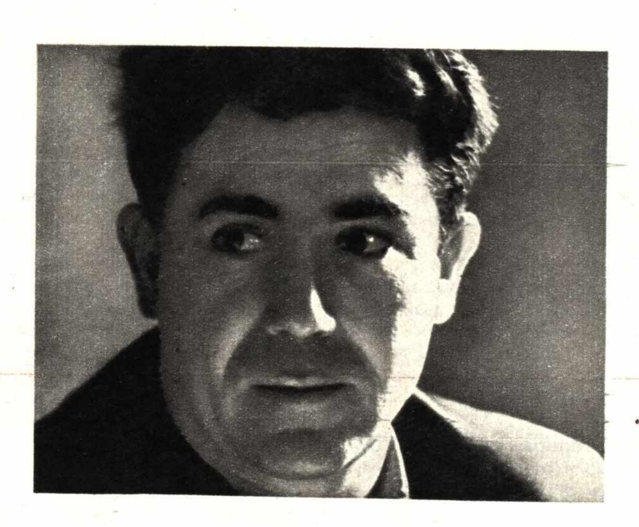
— Чудеса! В поле хлопка прибавилось, у жизни лет прибавилось, у молодых ума прибавилось. Чудеса!

— У людей ковров в доме прибавилось,— в тон старикам говорит веселый черноглазый Хабибулло,— в прошлом году каждый у нас заработал по восемьдесят рублей в месяц. Это немного, у соседей зарабатывают больше, но мы только начинаем осваивать свои земли.

Немного — в четыре раза больше, чем просили старики, выбирая нового раиса. Недавно в колхозе имени Калинина, до которого только-только дошла большая вода перемен, построили школу-восьмилетку и сорок домов, теперь здесь — в Пархаре — девятнадцать врачей. В колхозе свой роддом, а это целая революция в быту и в сознании нынешних и будущих матерей.

— А помнишь...— Хабибулло не устает рассказывать о студенческих годах, проведенных в Москве, о том, что он готовится к заочной аспирантуре. На коленях у раиса маленькая девочка, она постепенно засыпает. Уже поздно, и пора нам вставать, а хозяину убирать дастархан...

А утром — снова дорога. Картинно парила щедро напоенная зимой пашня, гремела соловьями весна. Цвели нежные деревья Таджикистана. Работали тракторы, а возле шоссе щипали траву симпатичные ослики. Нам навстречу бежали пестрые стайки ребятишек с портфелями на головах — в школу, в школу! Вокруг сияла под солнцем веселая весенняя вода. Ее много нынче. Значит, у людей есть работа. Будьте всегда с водой, друзья!

Хабибулло Тагаев.

жизни, с радостью приняли вызов: вот вам свобода планирования, но теперь вы отвечаете перед народом за твердый план-заказ. Не подведите!

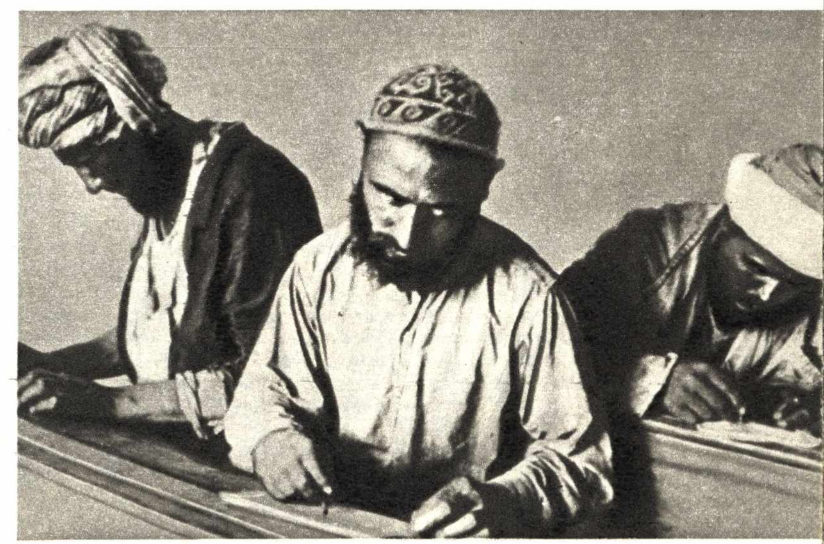
Не подводят ни Юнусов, ни Тошматов, ни Тагаев. Распахали плавни, провели воду, ищут лучшие варианты севооборотов, уже сейчас дают сверх плана тонны продукции. Сегодня у них высшее образование. А вынуждены они целые дни в самый разгар страды деревенской терять на споры с экономически малограмотной Валей-заготовительницей...

Секретарь Вахшского райкома партии товарищ Саидов правильно считает, что пора также выяснить отношения между колхозом и «Сельхозтехникой». «Проблема эта не районная»,— замечает секретарь райкома. Да и не республиканская даже! Саидов сослался на пример из жизни колхоза «Коммунизм». В этом колхозе нам долго и подробно — опять же за пловом и пиалой

Курган-Тюбе, 1929 год. Хайдарова, первая женщина, сбросившая паранджу.

1925 год. Душанбе, центральная улица кишлака.

Ликбез.

Пришла весна 1925 года в Курган-Тюбе. И пришел первый трактор в долину Вахша...

ВСЕ ЭТО БЫЛО...

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ,
Герой Социалистического Труда

...Эти чинары стоят на улице Комсомольской. В самом центре таджикской столицы. Каждая — в три обхвата. Я не знаю, сколько веков над ними отшумело. Но я знаю, что они старше нашего города. Намного старше. Если бы чинары имели язык, сколько удивительных историй они бы рассказали!..

Стоят седые чинары на улице юности. И юность бережно хранит их, как память отцов. Расступается мостовая, асфальтированными ручьями обтекает чинары. Замедляют ход автомобили, будто отдают дань уважения старым деревьям.

Если бы им показать снимки, напечатанные на этих страницах! Эту красивую женщину, первой сбросившую паранджу на юге Таджикистана,

Первый самолет в Душанбе.

они, может быть, и не запомнили. Они, может быть, ее никогда не видели. Но они видели много других таджичек с черной сеткой на лицах, закрытых от солнца.

Чинары бы рассказали, что женщины Востока имели в прошлом четырех повелителей. Первый из них — всемогущий аллах. Второй — шариат, волчий закон, превративший женщину в бессловесную рабыню. Третий — муж, чьей собственностью она становилась, как вещь, потому что он платил за нее калым. Наконец, родители, которые продавали ее.

В народе говорили: путь женщины от порога кибитки до очага, от очага — до могилы.

Это помнят чинары...

Если женщина играла на дутаре, ей отрубали пальцы. Если она пела, душили, чтобы чужой мужчина не слышал ее голос.

Знаменитая таджикская поэтесса XVII века Зебуниссо была дочерью шаха Аврангзеба. Узнав, что она пишет стихи, шах поклялся убить ее, если она не бросит это занятие. Любовь к поэзии оказалась сильнее смерти. Зебуниссо продолжала творить, правда, под псевдонимом Махфи (Скрытая).

Однажды, придя в шахский сад, она застала отца спящим. Над ним заливался соловей. И поэтесса сочинила строки, полные скорби о своей судьбе:

О соловей, не пой так красиво,
Утомленная природа шаха не терпит сладкозвучья.

И, конечно, помнят чинары, как впервые под их ветвями поселилась любовь. Девушки сидели с открытыми лицами. Они смеялись, и пели, и были счастливы. Но это пришло не сразу.

Чинары помнят великую битву за раскрепощение женщины-таджички. Я думаю, что это одно из самых важных завоеваний Великого Октября!

...Вот в таких глинобитных кибитках размещались первые народные комиссариаты. Протекала крыша. Наркомы одной рукой подписывали декреты Советской власти, а другой сжимали винтовку.

Старый мир не хотел сдаваться без боя. Особенно трудно приходилось женщинам. Убивали тех, кто сбрасывал паранджу. Но от этого первого акта борьбы за свою свободу всего шаг до активной революционной деятельности. И наши женщины сделали этот шаг. Иначе не могло быть.

Биби Зайнаб стала первой таджичкой—председателем райсовета. Ее зверски убили враги народа. Но на ее место пришли другие.

В конце двадцатых годов басмаческий курбаши Фузаил-Максум захватил Гарм и прежде всего повесил молодых учительниц. Его банды были разбиты отрядами Красной Армии, а в ряды работников просвещения влились сотни других наших женщин.

Они всегда были в одном строю с мужьями и братьями, боровшимися за новую жизнь.

Сейчас никого не удивляет, что таджичка — министр и доктор наук, депутат Верховного Совета страны и республики, Герой Социалистического Труда. Но я-то знаю: с тех пор, как женщина стала свободной, и солнце светит ярче!

Я это знаю. И чинары. И ты это помни, товарищ. Обязательно помни. Все помни, о чем я только что рассказал. Это очень важно для того, чтобы грядущие поколения советских людей были счастливы.

Первый автомобиль на Памире. ▼

▶ 1926 год. Группа бойцов-добровольцев в Кулябском вилояте.

ВИКТОРИНА

Раздел ведет Е. МОСКАТОВ.

Рисунки Б. АЛИМОВА.

ПРИГЛАШАЕМ ЗА КРУГЛЫЙ СТОЛ

Прошло три тура нашей викторины. Закаленные участники, наверное, уже приготовили свои карандаши и ручки. Ведь по первому туру пришло около 2 500 писем!..

Можно было бы просто дать лаконичные, сухие ответы на все вопросы первого тура. Но это не так интересно.

Мы начинаем наши ответы с «Улыбок викторины», которые целиком ваше творчество.

Конечно, эти шутки не заменяют четких, обоснованных ответов. Их вы прочтете в следующих номерах «Огонька».

А сегодня у нас в гостях самые остроумные участники викторины: П. Р. Амнуэль, студент-физик из Баку, харьковчанин М. М. Кумов, семья Филипповых из Москвы, А. Н. Прозоровский из Ленинграда, Ф. Ф. Скрыпник из Майкопа, Э. И. Корнблит из Иркутска, А. П. Саленко из Херсона, И. С. Дручин из поселка Елань, Валерий Токарев из Рубцовска, Дима Коровин из Балашихи и многие другие.

Итак, ответы остроумцев.

УЛЫБКИ ВИКТОРИНЫ

Сколько людей встречает Новый год 1 января?

1 января — никто, 31 декабря — все порядочные люди...

•

Самый молодой лауреат Нобелевской премии.

Советский физик Н. Г. Басов (подробности см. у А. Толстого в романе «Гиперболоид инженера Гарина»)...

•

Какие игрушки дали толчок инженерной мысли?

...Несомненно, погремушка! Потому-то все машины стучат, гремят и трясутся...

...Детская соска подсказала принцип устройства насосной станции...

...Многие инженеры «валяли ваньку», но не каждый изобретал...

...Это игра «викторина», с той лишь разницей, что играют взрослые...

Отложите журнал в сторону и введите себя в состояние невесомости.

...Могу и с журналом. Для этого надо подпрыгнуть...

...Страшное облегчение, которое испытываешь после ответа на очередной вопрос викторины, безусловно, отвечает всем признакам невесомости...

•

Что такое кварки?

...Поджаренные кусочки сала—шкварки, а недожаренные—кварки...

...Фантаст придумал, ученые спорят, а я отвечай?!

Какие попадались вам ляпсусы?

...После гибели самолета осталось «только страшное горелое железо». Автор полагает, что самолеты делают из железа?!.

Эд. Зорин «Следы ведут в Каратлы» («Еш гвардия», Ташкент, 1965 г., стр. 7).

«Шокальский» делал двадцать узлов в час». До сих пор моряки думали, что узел — это миля в час. Какое заблуждение...

М. Емцев, Е. Парнов «Падение сверхновой» (изд. «Знание», 1964 г., стр. 61).

«Три из них (планеты) окружены плотным слоем разреженной атмосферы». Плотный слой разреженной атмосферы — это звучит!..

И. Несвадба «Мозг Эйнштейна» (изд. «Мир», 1965 г., стр. 271).

...Вот типичный ляпсус, допускаемый многими писателями. Он связан со светящимися газами аргоном и неоном.

«Громадный, залитый голубоватым неоновым светом цех».

А. Адамов «Черная моль».

«Лица, мертвые от неоновых ламп».

В. Аксенов «Звездный билет».

«Звезда все падала, оставляя за собой голубую неоновую полосу...»

Ев. Шатько «Пятеро на льдине».

А вот Валентин Катаев знает, что неон светится не голубым, а красным светом:

«В черном небе загорелась синяя аргоновая надпись «Бензостанция» и красная неоновая вертикальная — «Ресторан».

...А этот, так сказать, «обратный» ляпсус необычен. Его допустил ученый. В статье кандидата физико-математических наук А. П. Мицкевича «Размышления о времени» (журнал «Искатель» № 4, 1966 г., стр. 76) есть такая фраза: «Именно эйнштейновские рассуждения об относительности времени вдохновили Герберта Уэллса написать свою «Машину времени». Напоминаем, что роман «Машина времени» был опубликован в 1895 году. Эйнштейн родился в 1879 году. Следовательно, ему к тому времени исполнилось всего лишь 16 лет!..

•

Чем бы вы доказали свою приобщенность к цивилизации 1967 года, попав в эпоху Ивана Грозного?

...Срочно учу для этой цели БСЭ...

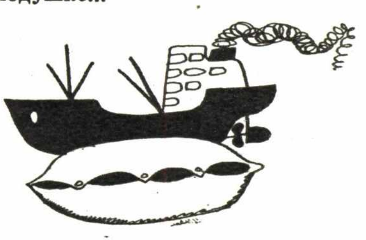
...Нет такой истории, из которой бы не выпутался русский солдат (из письма военнослужащего)...

...Я бы рассказал Ивану Грозному, что я знаю о космонавтах, о революции, самолетах, кино, телевидении. Предсказал бы ему, когда он умрет и когда зарежет сына... (ученик 4-го класса).

•

Какой принцип, положенный в в основу современного судостроения, находится на вооружении диких уток?

...Сначала на берег из воды выходили только утки, а теперь полезли и суда на воздушной подушке...

•

Вопрос академика И. Л. Кнунянца: предложить краски, неизвестные в эпоху Ивана Грозного.

...Я бы и из ныне существующих материалов не изготовила красок...

...К сожалению, не знаю. Остается только залиться краской стыда...

...Вы знаете состав красок, которыми написана «Джоконда»? Нет? Я тоже!..

...Если я предложу три самых распространенных компонента: сажу, глину и мел,— то меня засмеют. В России в то время были Рублев и Дионисий, Московский Кремль и расписные соборы. Это уж не говоря об апогее Возрождения на Западе!..

ВАШ ТУР

Эти вопросы — особенные. Они присланы в редакцию нашими читателями, теми, кто разгадывает викторину.

1

В этом году мы будем праздновать 50 лет со дня рождения нашего государства. И, конечно, год на год не приходится. Какой год из 50 прошедших лет был самым коротким и почему?

Такой вопрос прислали сразу несколько человек: Н. Д. Евдокимов из Вологды, Р. К. Хромова из Дебальцева и В. И. и Е. И. Шапошниковы из поселка Росташи, Куйбышевской области.

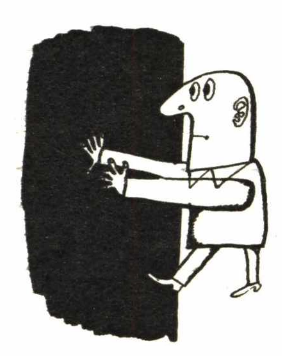
2

Задачу придумал ученик 4-го «Б» класса Сережа Новиков (село Константиново, Горьковской области).

Какие арифметические знаки нужно поставить между цифрами, чтобы в ответе получилось число 350?

16 4 2 4 21 18 = 350

Взрослые, наверное, подумают, что решить эту задачку легко. А вы попробуйте, а потом говорите!..

3

Наверное, все знают крайние точки СССР на севере и юге, на востоке и западе. А вот где находится край света? Этот вопрос предлагает военнослужащий В. А. Краснов (Сахалин).

4

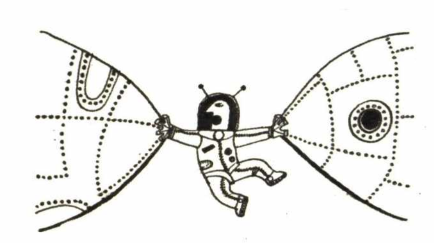
Как по-вашему, что изображено на фотографии, которую прислал в редакцию М. Е. Соколов (пос. Даровской, Кировской области)?

5

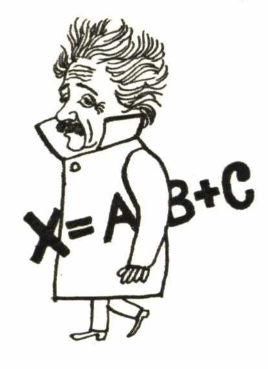
Над заданием В. А. Дегтярева из Майкопа вам придется крепко подумать.

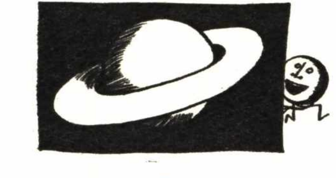
Любые тела в космосе, находящиеся в состоянии свободного полета, невесомы. Встретились два космических корабля, уравняли скорости, выключили двигатели. Но по инерции медленно продолжают сближаться. А между кораблями — космонавт. Возникает ли для него опасность в этом чудесном мире невесомости?

6

X = A + B + C. Как будто простая формула, но принадлежит она великому Эйнштейну. Знаете ли вы, что она обозначает? Этот вопрос получен нами от Н. И. Кожина из Орехово-Зуева.

7

А этот вопрос предложил И. С. Дручин из поселка Елань, Кемеровской области.

Путешествия в космосе небезопасны. Может быть, поэтому планеты не обходятся без спутников? Земля, например, имеет один, Марс предпочитает двух. А сколько спутников у Сатурна? И где скрывался последний из них, который был открыт совсем недавно — в декабре 1966 года?

8

Все, наверное, знают заслуженного артиста республики Николая Рубана. Но он прислал нам вопрос совсем из другой оперы.

У какой древней игры волейбол позаимствовал принцип и основные правила игры?

9

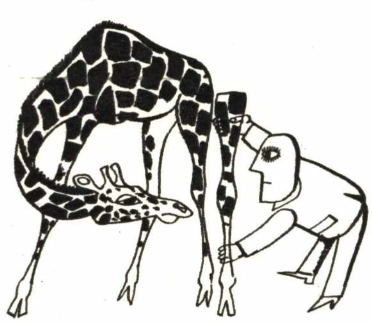
Спрашивает П. А. Болотов из Севастополя. Советская медицина, советские врачи заслуженно пользуются уважением не только нашего народа, но и признанием всего мира. В 1964 году специальным решением Международного общества кардиологов советский ученый-медик получил награду—«Золотой стетоскоп». Знаете ли вы этого ученого?

10

Заканчивает тур М. Вивчарь из Тюмени. Ему принадлежит такой вопрос:

На сколько примерно сантиметров передние ноги жирафа длиннее задних?

Ответы отсылайте не позднее 10 мая. На конверте сделайте пометку: Викторина-4.

БИОГРАФИИ ПРИЗОВ

Интервью с незнакомкой

Она совсем молода. Год рождения — юбилейный, 1967-й. Как и полагается юным, она вполне современна. Ей по душе и бурные ритмы движений и мягкий лиризм природы.

Вот что она говорит о себе:

— У меня много общего с моим старшим братом. И прежде всего — простота и надежность.

— Что, по-вашему,— спросили мы у нее,— самое главное в жизни?

— Не делать черное белым.

— А людей неузнаваемыми?

— Я никогда не уподобляюсь косметическому кабинету.

— Вам не нравятся «косметические» лица?

— Мне больше нравятся фотогеничные. Тем более что их обладатели особенно внимательны ко мне.

— Ваше увлечение?

— Всегда и всем твердить, что, нажимая на кнопку, вы берете на себя социальную ответственность.

— Вы, наверное, очень серьезны?

— Нет, напротив, люблю пошутить, причем иногда в самый ответственный момент. Но больше всего я люблю говорить правду. Не лукавя, корректно и с выдержкой, доведенной до автоматизма. Впрочем, последнее — в моей приро... простите, конструкции.

— Ваша основная черта характера?

— Объективность. В ней моя сила.

— Ваши планы на ближайшее будущее?

— Они скромны: убедить моего будущего владельца, что он не пожалеет, сдружившись со мной.

— Скажите наконец ваше имя!

— А вот это пусть угадают читатели.

С тем мы и расстались.

Ее портрет мы опубликуем в одном из следующих номеров «Огонька».

ИДЕТ ЧЕЛОВЕК

Акиф НАДЖАФОВ

Таджикское изобразительное искусство — живопись, скульптура, многие виды графики — сложилось в годы Советской власти. Раньше у нас, как, впрочем, и на всей территории бывшего мусульманского Востока, не было станковой живописи, станковой, книжной графики, портретной, монументальной скульптуры. Сегодня таджикское изобразительное искусство рассказывает о природе края, о делах наших, о том, какими мы стали за эти годы, как трудимся, учимся, живем, любим, мечтаем... Новое искусство нам помогли создать русские художники. В Таджикистане хорошо знают Н. Котова и И. Ершова. Начиная с 1932 года они почти каждый год работали в республике.

Художникам-таджикам А. Ашурову и М. Хошмухамедову было на кого опереться. Во всяком случае, уже первые их выступления в 1934—1935 годах обратили на себя внимание серьезностью содержания и определенным профессиональным уровнем. Потом были годы поисков, находок, заблуждений — нелегкие годы становления.

Выставка «Советский Таджикистан» как бы подвела итоги деятельности Союза художников республики за тридцать лет. В общем, итоги оказались обнадеживающими: таджикское советское изобразительное искусство обретает свои оригинальные черты.

Самое большое место в изобразительном искусстве у нас занимает пейзаж. Не берусь утверждать, но думается, что ни на каких выставках пейзаж не занимает такого значительного места, как на наших.

Дело именно в том, что, обращаясь и к многофигурной картине и к портрету, наши художники почти всегда пользуются случаем изобразить природу. Например, портрет доктора медицинских наук К. Хасановой кисти А. Рахимова, «Девушки-памирки» В. Боборыкина или напечатанная здесь композиция «Хозяин гор» Н. Матасова. Все три работы, по сути дела, портреты. Но природа на этих холстах — очень важный, а не подсобный компонент.

Пейзажи М. Хошмухамедова представляют направление, которое можно назвать лирическим. Для его живописи характерны мягкие тона, глубокая воздушная перспектива, подчеркивающие камерность, интимность, тишину избранных художником уголков природы: «Багора», «Вечер», «Солнечные лучи».

Другое направление в пейзаже, рассказывающем о деятельности человека на земле, представляет творчество З. Хабибуллаева, А. Бесперстова, Х. Хушвахтова, В. Боборыкина... Они предпочитают просторные ландшафты, где виден результат труда — обработанные поля, готовый и собранный урожай, мощные машины, помогающие людям.

Наши художники охотно обращаются и к жанровой картине. При этом совершенно очевидно их стремление рассказать о сегодняшнем дне Таджикистана.

Конечно, есть и «чистые» портретисты. «Портрет командира корабля, летчика Сабирова». Я знаком с этим человеком. И надо сказать, И. Лисинов удачно выбрал свою модель. Командир корабля «ИЛ-18», отдавший свои силы, горячий темперамент, свою любовь авиации, Сабиров фанатично любит небо. Подвижный, энергичный, он даже в часы, свободные от полетов, устремлен в голубой простор — таким и показывает нам его художник. Образ летчика правдив, портрет убедителен.

А. Рахимов — хороший колорист. В картине «Члены комсомольско-молодежной бригады» характерные вообще для кисти живописца мягкие тона, богатая палитра. И композиционно и колористически картина построена просто, ясно.

На выставке «Советский Таджикистан» в 1965 году впервые выступил молодой художник, выпускник Душанбинского художественного училища Лев Арзуманов. В своей картине «Алишер Навои в мастерской К. Бехзада» художник стремится не только заглянуть в далекое прошлое, но и раскрыть характеры персонажей, богатство их духовного мира.

Полотна Зухура Хабибуллаева отмечены стремлением автора к большим обобщениям. Таков его знаменитый «Гиджак», который и оказался первым, наиболее смелым вестником нового в нашем искусстве, таков, пожалуй, и пейзаж «По дорогам Памира». Живописец любит стремительную динамику, напряженную суровость.

...Несется стремительный поток, холодная вода, пенясь, пробивается через валуны горного обвала. Зажатые с одной стороны скалистыми горами, с другой — обрывом к реке, пробираются лесовозы — символ неугомонной созидательной воли человека. Красив Памир у Хабибуллаева, красив строгой академической красотой. Резкие контуры, очень привычный холодный, синий, типично горный цвет. Другие пейзажные композиции художник строит по-иному — на сильных цветовых контрастах.

Живопись есть живопись, и не так-то легко здесь все разложить по полочкам. Смотришь, а полочек-то и не хватает. Куда, например, причислить таких сильных художников, как В. Боборыкин, П. Фальбов? Они ищут и находят своеобразный язык в живописи в форме письма, они смотрят на мир глазами современника, глазами умного, образованного человека — преобразователя природы...

И видится мне человек с этюдником на кручах Анзобского перевала. Он мерно шагает по горам. За спуском — вновь подъем! Идет человек. Сильный, неутомимый труженик, хозяин гор. Идет трудовым путем: Нурекгидрострой, Яванский комбинат... И еще много-много гидростроев и комбинатов... Может, поэтому идея безраздельной власти человека над природой — главная в творчестве живописцев Таджикистана?

Криницы

Анатолий ЗАЯЦ

* * *

Бывает в милой стороне
Такая тишина,
Как будто
К этой тишине
И ты приобщена.
Не слышен
Ни единый звук.
Луна, да гладь, да тишь.
Молчит простор.
И мнится вдруг,
Что это ты молчишь.

...Когда
Ночного ветра грусть
Чуть трогает листы,
Я небу звездному клянусь,
Что это ходишь ты.
Когда голавль
Во тьме ночной
Плеснется за селом,
Я знаю,—
Ты воды речной
Касаешься веслом.
И вот, когда
Под птичий гам
Восходит теплый день,
По озаренным берегам
Твоя
Мерцает тень.

* * *

Уже пошло
Восьмое лето,
Но, как московский
паспорт свой,
Я помню
Номер пистолета
И номер
Почты полевой;
Броски,
Подъемы и отбои,
И марши стройные твои,—
Когда, о юность,
Над тобою
Отзвенели соловьи?
Они в сердца солдат
Стучали,
Грустили мы,
Идя в рассвет.
Но что там
В двадцать лет
Печали —
Как будто радость
В сорок лет.
Восход зарею ополоскан,
В сплошных ромашках
Полигон.
А на погонах
Ни полоски.
А жезл заветный —
В ранцах он!

...Уже пошло
Восьмое лето,
Но, как московский
паспорт свой,
Я помню
Номер пистолета
И номер
Почты полевой.
За этот номер
Отвечаю.
У роты пригнаны
Штыки.
И тихой ночью
Ощущаю
Глухие,
Дальние толчки.

* * *

В чистом поле
Было три криницы
Да ветряк
С березовым крылом.
Там стояли
Три веселых жницы.
Три платочка.
Каждая с серпом.

Как одна,
Что пава, проплывала
И по мне
Все сердце извела,
Хмель варила,
Тонко колдовала,
Да завлечь тем зельем
Не смогла.

А вторая —
Сватал бы сегодня,
Да ушла,
Монистами звеня,—
Очи —
Голубая преисподняя —
Не взглянули даже
На меня.

А как третья...
Что же, люди, третья!
Просто люба —
И конец на том.
Утром третью
В чистом поле
Встретил
И невестой ввел
В отцовский дом.

И ни смеху в жизни
И ни боли.
Друже ветер,
Полю поклонись —
Не ходить мне боле
В чисто поле,
Не испить
Водицы
Из криниц.

* * *

Еще не слышно листопада,—
Снежинки кружатся, взгляни.
Я снегу говорю:
— Не надо,
Повремени, повремени,
Колдун холодный,
Ангел белый,
Еще в листве любимый край;
Послушай, глупостей не делай,
Цветов осенних не карай,—
Еще сентябрь стоит в начале,
Еще успеешь,
Погоди —
Не смыли ясные печали
Еще осенние дожди.

Но ничего не учтено,
И нива стынущая ропщет,
И снег слетает,
Как в кино,
На зеленеющие рощи.

Л. Арзуманов.

АЛИШЕР НАВОИ В МАСТЕРСКОЙ К. БЕХЗАДА.

Н. Матасов. ХОЗЯИН ГОР.

Х. Хушвахтов. ХОРОГ.

КЛАД

Исполнилось девяносто лет со дня рождения известного советского писателя А. С. Новикова-Прибоя.

В издательстве «Детская литература» выходит повесть Лидии Бать «Море бушует», посвященная А. С. Новикову-Прибою.

Эпизоду, описанному в публикуемой ниже главе из этой книги, предшествовали следующие обстоятельства. Дважды терял писатель свои драгоценные записи о Цусимском бое, сделанные по горячим следам событий. В первый раз они были уничтожены еще в плену, и писатель нашел в себе силы вновь по крупицам собрать материал. Вернувшись в 1906 году в родную деревню, он вскоре вынужден был бежать от преследований полиции. Уходя из дому, он оставил эти важные бумаги брату на сохранение. Но брат так их припрятал, что сам забыл, куда. Так вторично пропали рукописи, и это на долгие годы остановило работу писателя над знаменитой эпопеей «Цусима». О том, что произошло далее, и рассказано в публикуемой главе.

...Алексей Силыч не забывал своего села, родичей и раза два в год посещал их. Брат Сильвестр умер, многочисленные племянники разбрелись по стране. Родной дом хранил старший племянник Ванечка, теперь уже тридцатипятилетний Иван Сильверстович.

У Алексея Силыча, помимо тяги к родному дому, была еще одна приманка: в окрестных лесах можно было поохотиться, а эта страсть с годами не прошла, наоборот, разрасталась все больше и больше.

Так было и весной тысяча девятьсот двадцать восьмого года, когда он с несколькими друзьями-писателями отправился на охоту.

Писатель давно носился с мыслью рассказать о встречах с интереснейшими людьми во время своих плаваний за границей. Когда он был в эмиграции, каких только людей он там не перевидал, сколько в иных душевного благородства! И как ни била их подневольная жизнь, жестокая нужда, подчинение грубым хозяевам, они не теряли своего лица. А иные даже, наоборот, обломанные жизнью, готовы были стать на путь борцов за всеобщее счастье. Таков задуманный им герой нового романа, название которого он еще не придумал, но ему уже ясно, что надо о нем рассказать. Это история жизни молодого проповедника, который становится простым матросом. И сколько встреченных в морских скитаниях людей выступает рядом с ним! Чудаки, хитрецы, старые морские волки — все просятся в книгу...

И еще волнует одна тема: как не рассказать об этих неповторимых днях на охоте, о верном друге — собаке, чутком помощнике! О прелести просыпающегося ранней весной леса, о его зрелой красоте в осенние дни! Он непременно напишет рассказ, а может быть, повесть или даже роман об охотнике и его собаке. Конечно, Алексей Силыч вложит в образ этого охотника много своего, личного, но не станет он писать от первого лица. Это сразу сузит рамки повествования. Нет, он выведет человека, в котором каждый охотник узнает немного себя.

Но охота будет только фоном, а расскажет он о деревне, о том, как обретает она новую жизнь, как отживает старое в советских условиях. Прошло всего одиннадцать лет, а новой, совсем новой стала деревня. И как же об этом не рассказать?

Вот о чем думал Алексей Силыч во время охоты. Он и не предвидел, какой подарок ждет в Матвеевском...

Утром этого дня степенный, хозяйственный Иван Сильверстович решил перебрать колоды ульев. Много лет пролежали они под сараем, около бани, да все как-то руки до них не доходили. К тому же Иван завел новую пасеку, где эти колоды не годились. А тут сарай стал заваливаться. Зачем же добру пропадать? Правда, иные колоды уже сгнили, но крепкие еще можно продать...

Холодные, влажные, отсыревшие затычки с трудом вытаскивались из ульев, но предусмотрительный Иван Сильверстович решил проверить все колоды. Он их открывал, думая о своих делах, как вдруг...

— Э, да что-то там есть! Вот и находка!

Взбудораженный, вытащил он из улья довольно большой сверток, отер рукавицей его сыроватую поверхность и продолжал открывать ульи, пока не осмотрел все.

* * *

Алексей Силыч с друзьями пили чай. Все были говорливы после удачной охоты. Шутки, охотничьи рассказы, взаимные подковырки так и сыпались с их уст. Под конец кто-то запел любимую песню Алексея Силыча:

По морям, по волнам, нынче здесь,
а завтра там,
По морям, морям, морям, нынче
здесь, а завтра там.

Он подтягивал.

Иван Сильверстович тем временем вышел из комнаты, вскоре вернулся и молча протянул дяде большой сверток бумаг.

Недоумение на лице Алексея Силыча сменилось восторгом, как только он взял в руки сверток. В один миг перелистались в обратном порядке двадцать два года жизни. Он сначала сердцем учуял, а потом сразу узнал бумаги о цусимской эпопее.

Алексей Силыч даже привстал, крепко держа сверток в руках.

— Где, где они были? — воскликнул он.

Иван рассказал про ульи.

— Я ведь знал, что у нас где-то запропастились важные твои бумаги. Да и папаша все время поминал, мучился, а вспомнить не мог... Вот ведь какое дело!

— И подумать только! А если бы не взялся Иван Сильверстович ульи осматривать? И продал бы их кому? И пошли бы твои записи путешествовать...— сказал кто-то из приятелей.

— Да это тема для целого романа,— подхватил другой.— Нашел бы их кто-нибудь в двадцать первом веке...

Алексей Силыч сиял.

— Да будет вам! Нашлись! Двадцать два года пропадали. Хоть бы опять что-нибудь не стряслось!..

А на другой день в поезде, увозившем его в Москву, он, как и двадцать два года назад по дороге в Матвеевское, все поглядывал на чемодан с драгоценными рукописями и мысленно повторял: «Вот теперь-то я напишу о Цусиме!»

* * *

И он написал. Не сразу, нет. Записки были основой, тем, что ярко вызывало в памяти пережитое, подробности, которые могут быть подмечены только очевидцем.

Предстояла огромная работа. Алексей Силыч перечитал все, что только было написано о Цусиме. Копался в архивах, по крупицам, из писем, из отчетов о судебных процессах по поводу сдачи кораблей в плен, из мемуарных записей, дневников он восстанавливал обстановку, отбрасывая все лишнее, наносное, искажающее правду.

Воскресли старые дружеские связи. Алексей Силыч разыскал боцмана Воеводина, старшего сигнальщика Зефирова и многих других. Они щедро делились с ним своими воспоминаниями.

Накопился такой океан материала, что в нем потонули первоначальные записи. Но в них была ничем не заменимая свежесть личного восприятия событий. Недаром Алексей Силыч сказал в своем предисловии к «Цусиме»: «...Книга была бы написана подругому, если бы я сам не пережил Цусимы и не испытал ужасов этой беспримерной трагедии».

Алексей Силыч напечатал еще в газетах обращение с просьбой откликнуться бывших цусимцев, написать, что помнят о себе и о товарищах. И в ответ посыпались сотни писем, драгоценные человеческие документы, в которых иногда одна правдивая и яркая строка вызывает в памяти целую картину.

Лидия БАТЬ

●

ГОРИЗОНТЫ ЖИЗНИ

Русская северная деревня!.. Она всегда нам видится с причудливой резьбой наличников, с высокими коньками на тесовых крышах. Земельные угодья русского севера то и дело перемежаются лесными клиньями-перелесками, чешуйчатой рябью хрустальных озер и чубатыми сенокосными лугами. Здесь на каждом шагу живет поэзия! Видимо, поэтому и народ здесь такой песенный, поэтичный. Он сам сочиняет песни, сам их поет, сам их слушает, сам их хранит, передавая из поколения в поколение, как память о своих далеких радостях и тревогах.

Здесь, в этих песенных краях, родился и вырос поэт Сергей Викулов, неоднократно названный нашими критиками певцом русской северной деревни.

...Ты иная сегодня.
Ты в космос врубилась...
Но и громом ракетным
встречая свой день,
я хотел бы, Россия,
чтоб ты не забыла,
что когда-то
ты вся началась
с деревень.

Эти простые и мужественные строки можно смело поставить эпиграфом ко всему творчеству Сергея Викулова. А сделал он немало. Его первые стихи были опубликованы еще перед самой войной, и вот в конце прошлого года вышла в свет девятая по счету книга стихов — «Околица». Основной пафос ее — любовь к земле, любовь к ее хозяевам. Поэт с болью в сердце говорит своим современникам: не отрывайтесь, не забывайте землю, которая нас кормит, обувает и одевает, любите ее не на словах, а на деле, любите горячо, преданно, по-сыновьи, и земля оплатит вам эту любовь сторицей.

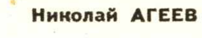
Иногда слышишь такой упрек в адрес С. Викулова, что он пишет своих героев с натуры, не типизируя, такими, какие они есть на самом деле. Нет, это не так. Острый, вдумчивый взгляд художника выбирает из обилия жизненного материала лишь те детали и штрихи, без которых ему, как художнику, не обойтись в процессе работы над образом. Да и сам-то образ не всегда встречается в жизни таким, каким бы его хотел художник запечатлеть на своем полотне. Нет, его нужно подсмотреть в минуты наиболее кульминационного развития, то есть в момент, когда ярче всего проявится его характер. И это С. Викулов умеет делать отлично.

На мой взгляд, ему больше всего удаются образы женщин. Он как бы продолжает некрасовскую галерею героических женских образов. На долю викуловских героинь выпало, пожалуй, самое трудное время, какое только пережила русская женщина за всю историю России,— Великая Отечественная война. Они встали за штурвалы комбайнов и тракторов, возглавили бригады и колхозы. Они сами недоедали и недосыпали, но поставляли фронту все необходимое, чтобы только скорее разбить врага. Образы этих неутомимых тружениц выписаны С. Викуловым с большой сердечной теплотой и благодарностью, они воспринимаются читателями как живые реальные люди, с которыми хочется поговорить, поделиться своими новостями, расспросить об их дальнейшей судьбе, об их счастье.

Двадцать с лишним весен отцвело с тех пор, как над поверженным рейхстагом заполыхало красное полотнище Победы, но до сих пор болят и ноют старые раны у солдат, вернувшихся к своим родным очагам, и никогда не загладится горе матерей, вдов и сирот. Эта тема настойчиво разрабатывается С. Викуловым, особенно в поэмах «Трудное счастье», «Окнами на зарю», «Против неба на земле». Конкретная наполненность строки, хозяйское осмотрительность, щепетильный подход к слову делают его стихи то лирически взволнованными, то высоко публицистическими и всегда душевно-доверительными, откровенными. Слово его лучших поэм и стихов многоцветно, оно дышит свежестью народной речи, а поэтому и надолго остается в памяти читателя.

Николай АГЕЕВ

Сергей Викулов. Околица. Издательство «Советская Россия», 1966.

Роман

Гремите,

Анатолий КАЛИНИН

27 июня.

Какое счастье слушать эту солнечную музыку Моцарта! Ведь без этого света невозможно понять величие Бетховена, Брамса, Рахманинова, Чайковского!

Раньше почему-то не стыдились говорить голосом сердца, а сейчас считают постыдным. Выдумали какие-то сверхмодные понятия и стараются в них выразить что-то отвлеченное, выдавая это за свои душевные восприятия, но сами же заглушают голос сердца. Или оно молчит у них?

Жалкие призраки, рабы твиста, моды! Разве понять вам эти зори, музыку, природу, небо! Только тот, кто живет сердцем и добром, может постичь это!

Бывает, я переживаю здесь неизъяснимые часы блаженства. Но бывают такие приступы тоски, что ничто не интересует. Но всегда, когда я делаю добро, мне хорошо, легко. Злость не в моей натуре. Но порой у меня ее больше чем достаточно. Я стараюсь бороться. Правда, не всегда удается. Но ради него я достигну чего угодно.

28 июня.

Может быть, когда меня уже не будет, он прочтет мой дневник и скажет: «Где ты была, моя любовь, почему не пришла ко мне? Ведь я искал тебя всю жизнь».

1 июля.

Вот в такую ночь, когда луна настойчиво пробирается сквозь листья и заглядывает в глаза, когда ее свет колеблется на полу, уйти бы к тому, кто дороже всех, в ком жизнь, не думать ни о чем, а только приносить ему радость.

4 июля.

Папа, ты не знаешь, как бывает тяжело твоей младшей дочери, как иногда она пишет сквозь слезы эти строки. Вы сделали так, что музыка стала для меня отцом, матерью, любовью и всем миром. Я не умру, у меня есть силы жить, пока есть музыка. Мне тяжело, когда приходится обижать кого-то. И любой свой поступок я тяжело переживаю в душе. Но пусть что угодно. Я люблю тебя! Сквозь борьбу, страдание, горе приду к тебе.

И не эти извечные союзники и поверенные молодых сердец оказались ее поводырями в страну любви, не звезда, вздыбленная над ночным росистым садом, не гремучая дробь соловья в кустах или перепелиный бой, доносящийся из полуденной знойной степи, и не перламутровая лунная переправа через Дон. Но кто же мог предполагать, что и в звуках могла таиться опасность? Что атомы их, падая на ничем не защищенное сердце, немедленно вступят там во взаимодействие с ее собственными атомами, уже заряженными для любви? И кто предположить мог, что такими вспышками отзовется ее сердце?

Однако и без извечных спутников не обошлось. Разлив, который в то лето не спадал до июля, затопил все займище. Вербы стояли по грудь в воде, как облака, но, несмотря на это, и соловьев была такая пропасть в лесу и в хуторских садах, что, казалось, не умолкают они ни на секунду. Не успеет один выщелкаться и вычмокаться, как заступает на вахту другой, а то и сразу два или три. И так днем и ночью, до изнеможения.

А когда наконец вода сошла и всплыл посредине Дона остров, стали плавать по ночам взад и вперед лодки со студентами и студентками виноградарской школы, поющими песни. Неизвестно, когда только они успевали учить уроки. Феня Лепилина прислушается к ним в хуторе и вдруг отзовется так, что ухватит за душу.

И ни разу за все лето не нарушилось спокойствие Дона. Ночью, при луне, капли вспыхивают при взмахе весла, и прилепившийся над яром хутор, помигивая окнами, прислушивается к песням.

Он продолжал жить своей обычной жизнью. Как всегда, рано утром уходил в совхоз, оттуда шел или ехал в степь взглянуть на виноградники, укрытые землей, на озимое поле, едва проросшее после сухой осени, считал блекло-желтые стебельки ростков, проклюнувшихся из земли, — их было не больше двухсот пятидесяти — трехсот на квадратном метре — и обструганной палочкой выворачивал из борозды комья земли, обнаруживая в них так и сопревшие, не успев прорасти, зерна, оттуда шел в молодой фруктовый сад распорядиться, чтобы обвернули чаканом от зайцев молодые стволы яблонь, возвращался в хутор, в контору, разговаривал с людьми, иногда спорил с ними — и все это была его повседневная жизнь. Но с недавних пор у него появилась и другая, совершенно непохожая на эту и тем не менее впадающая в нее и каким-то образом влияющая на нее, как некий гольфстрим.

6 июля.

Странное вчера у меня было чувство. Как, оказывается, чист мир, в котором я живу, который дал мне ты. Как бедно слово «любовь» по сравнению с тем, что я хочу сказать. Ты — музыка, а она очищает всех, кто предан ей. Люди, почему, когда я стараюсь делать добро, вы отталкиваете меня и обращаете добро в зло?

7 июля.

Никто не знает о тех слезах, которыми плачет моя душа. Почему у меня нет защитника, чтобы вытирал мои слезы? За какими морями и горами, за какими замками спрятано мое счастье?

12 июля.

Двенадцатое июля. Как много в этом слове... Если б я была рядом с тобой, я б засыпала тебя любовью.

Но что я? В чем мое преимущество перед другими? Вокруг него, должно быть, столько очаровательных, умных женщин! А я богата, пока я здесь. Все мое: горы, лес, река, музыка. Понимаю, что тряпки — это ничто, но ведь первое впечатление из-за них... И сколь много дошло до моей души сегодня. То, что раньше было достоянием лишь разума. Милая, чудная Валюша! Как мне жаль тебя! Конечно, виновата ее мать, но за что должны страдать Валя и Шурка? Да я никогда в жизни не думала о том, что мне будет нечего есть завтра. Мне незнакомо чувство голода, хоть у нас дома и нет ничего лишнего. Одета я никогда не была хорошо. Но бедная Валюша из-за того, чтобы получить новое платье, должна встать в три часа и поливать. Насколько же она лучше меня, если, живя в таких условиях, так добра, мягка! Никогда не сталкивалась я в жизни с такими трудностями. Не представляла себе значение слов «борьба за существование». И вот почувствовала себя в этой атмосфере. Почему такая разница? Чем эти люди хуже городских щеголей, и щеголих, и прочих благополучно живущих? Пусть все поздно дошло до моей души, но зато крепко въелось. Шла от Вали и плакала.

Дорогой, воистину ты приносишь мне только счастье. Сегодня в твой день мне было так чудесно. От зеленого бакена такой призрачный свет, а красный колышется. А остров и тот берег такие страшные, таинственные! И потом свет зарниц, звезды сквозь драные дырки облаков, тишина, загадочное молчание ночи, а сейчас 3-й Рахманинова. Я как будто опять та же. Нет, восторг бывает не только в сновидении. Он вокруг. Надо уметь понимать и ценить его. Музыка помогает этому. Музыка — это утерянная частица красоты. Кто найдет — будет иметь друга до конца жизни.

13 июля.

Почему вы не можете понять моих простых стремлений! Быть может, я ищу мир, которого нет на свете. Но пусть уж лучше я пойму, что его нет, чем буду думать, что он есть, но для меня недоступен. Москва... Те места, где он был. Большой зал...

И все это происходило в то самое время, когда и в его доме раздавались те же речи, что и в других семьях в эти годы. Скворцову, скажем, достаточно было очутиться в обществе старых друзей за графином виноградного, чтобы тут же его усы и настроились на эту волну.

— Разве мы такими были?! Попробовали бы они хлебнуть, как хлебнули мы. Посидеть на четырехстах граммах кукурузного хлеба. Побегать в саботажные годы в кубанских садах под кулацкими пулями. Понырять в Днепре, в Дону и в Дунае, заживо гнить в плену и после этого опять без всякого передыха вкалывать в забое, в борозде, у домны. Казалось бы, чего же им еще! От себя отрываешь, чтобы они ни в чем не знали этой проклятой нужды, все двери для них настежь: дерзай, пробуй, а им все не так. И родители для них всего-навсего закоренелые предки. Так сказать, в порядке благодарности. Никто и не ждет ее, проживем как-нибудь, но если так и дальше пойдет, то что же еще можно ожидать? Конечно, и мы не без греха, но у нас хоть были идеалы. А у них? Мы за свои убеждения готовы были хоть на смерть. А они? Не говоря уже, что и любовь в наше время была, как говорится, пограндиознее. А у них? Не успели на танцульках познакомиться — и уже в загс. А наутро, открыв глаза, спрашивает: как тебя зовут?

И после этого за воскресным столом среди друзей и знакомых поднимался уже стон. Луговой обычно слушал, смотрел, как даже и у Марины начинают азартно блестеть глаза, пунцоветь щеки, и молча улыбался. Вдруг взяли бы и вспомнили все, что о них говорили их родители лет двадцать — двадцать пять назад. Например, ты, фронтовой друг, яростно дергающий себя пальцами при слове «идеалы» за кончик буро-пшеничного уса. Ну и ты, фронтовая подруга, рассверкавшаяся своими хорошими глазами, которая и часа не раздумывала, глянув на фронте в другие глаза и сразу же решив, что до этого у тебя, оказывается, совсем не было жизни.

И при взгляде на возбужденную Марину ему невольно вспоминался также и весь тот стыд, который пришлось тогда пережить им. Тут бои, немцы, а у них любовь. И, черт возьми, не у немца же он отвоевал жену, а у одного из своих товарищей. Ну, если не у товарища, то у односума. И, может быть, самое стыдное было в том, как они долго таились, прятались по уголкам, а разве можно спрятаться на войне? И как, наконец, однажды все прорвалось. Верхом он прискакал прямо на квартиру к Марине и на глазах у мужа увез ее с собой, прикрыв от вьюги полой бурки. И Марина даже не оглянулась на своего черноусого интенданта Агибалова. Он что-то кричал им вдогонку, и даже, выбежав на порог, раз или два раза стрелял им вслед из ТТ, и, конечно, по своей интендантской меткости, промахнулся, но для них все это уже не имело значения. На всю жизнь запомнились скачка в степи сквозь вьюгу, запах бурки, конского пота и это ни с чем не сравнимое ощущение биения ее сердца у его сердца.

Тогда у них почти не было сторонников, никто, понятно, не оправдывал их, да и не мог оправдать. Дошло и до самого. Луговой до сих пор слово в слово помнит их разговор. Милованов, маленький, смуглый, сухой, со своими умнющими серыми глазами, покашливая — у него уже начинался туберкулез, — стоял спиной к печке, топившейся в овечьей кошаре в песках, слу-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12, 13.

колокола!

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

шал его сбивчивые объяснения, не прерывая, и, выслушав их до конца, сказал:

— Да, люди вас не поймут.

Неизвестно почему у Лугового вдруг вырвалось:

— А вы?

Тут же он и пожалел об этих словах, потому что Милованов при этом невесело улыбнулся:

— Ну, я-то вас не вправе судить.

И как раз в эту минуту вошла в комнату его молодая синеглазая красавица жена, капитан строевой службы.

А теперь вот Марина сидит, раскрасневшись от бокала донского муската, и подливает свое масло в слова Скворцова. Воистину коротка у людей память. Встать, засмеяться и напомнить им обо всем сразу? Бесполезно. Вот так же чистосердечно начнут уверять, что то ведь было совсем другое время, то была война, а еще раньше коллективизация,— ну и все было другое. Да не может быть никакого сравнения! И уж если на то пошло, то как раз все эти факты из их прошлого и являются подтверждением, что тогда молодежь была не чета этой. И за свои убеждения она могла постоять и если отдавалась любви, то целиком, несмотря ни на что.

И попробуй на все это возразить. Нет, лучше помолчать, пусть потешатся, отведут душу. Тем более, что, ввергаясь в подобный спор, легко было соскользнуть и на опасную стезю, на которую Лугового, признаться, давно уже тянет, тянет. И невольно обидеть старого фронтового друга. Ему, столь искренне негодующему на современную молодежь, вероятно, и в голову не приходит припомнить, что он и сам в пятьдесят лет не по закону же проповедуемого им теперь благоразумия влюбился в свою двадцатилетнюю племянницу, да так, что, презрев все, вышел в отставку, поселился в станице и живет там с молодой женой. И никто не вправе его упрекнуть. Несмотря на такую разницу лет, живут они, кажется, счастливо. Молодая, прелестная жена его работает ветврачом, а он развел у себя на усадьбе чудесный сад, постоянно возится с секаторами, с парижской зеленью, копает, сажает, чеканит. И сохраняет все тот же молодцеватый вид. Продолжает носить сапоги, военную форму, умеет в компании, как никто другой, спеть казачью песню. И, глядя на него, на его выправку, походку и на то, как ухаживает он за своей хорошенькой женой, откровенно любуется ею, Луговой радовался неисчерпаемости его молодой силы и даже этой увлеченности излюбленной темой. И совсем пропадала охота с ним спорить.

А надо бы. Тем более, что и Марина впадала в полную забывчивость, увлекаясь тем, как их друг дергает себя за пшеничные, еще только начинающие седеть усы. Отрастил он их, живя уже в станице. На фронте их у него не было.

---

14 июля.

Что ты сейчас делаешь? Опять концерты, менеджеры, шум? Или ты дома? Как тебе там живется?

На это даже и музыка не могла ей ответить. Как бы ни давала она возможность чувствовать и почти видеть его самого, она не в силах была рассказать, что с ним сейчас. Молчит и этот зеленовато-мерцающий по ночам полированный ящик у ее изголовья. Обо всем что угодно может сообщить, только не о н е м. Ни полслова.

И ничто не может помочь. Даже то, что английскому языку она успела научиться в компании со скворцами почти как родному. Напрасно зеленый ночной разведчик ищет е г о по светящимся тропам шкалы. Ни единой весточки из этой распростертой за океаном страны. Только все тот же деловитый мужской голос, как из-за монастырской стены:

— Вчера утром самолеты «Б-52», взлетевшие с острова Гуам, подвергли бомбардировке скопления противника в семидесяти километрах к северу от Сайгона. В боях у Дананга убито триста двадцать шесть, взято в плен сорок семь вьетконговцев. Наши потери незначительны. Захвачены подземные склады с рисом и другим продовольствием.

И вслед за этим бодрый женский голос:

— А теперь слушайте нашу передачу с фестиваля джазов...

Ах, если бы только нью-йоркский корреспондент ТАСС знал, какую иногда нечаянную радость мог он доставить сюда, в казачий хутор на яру, своей тридцатистрочной заметкой о том, что из глубин своих прерий о н прилетел на концерты советского симфонического оркестра в Карнеги-холле и подряд три вечера играл там со своим московским дирижером Чайковского, Рахманинова, Листа и все то, что они играли тогда на конкурсе.

И вот уже раздается в доме прежний голос Наташи:

— Ромка, айда!

И опять до самого вечера будет она лазить со своим четвероногим спутником по Володину кургану, по Сибирьковой балке, по всем ерикам и ярам, продираться сквозь терны, вспугивать из-под кустов зайцев и слушать шипение уползающих из-под ее ног желтобрюхов, карканье ворон и стрекотание сорок. Вернется домой уже затемно с красными щеками и с горящими из-под спутанных, прилипших ко лбу мокрых волос ярко-зелеными глазами. И такая голодная, что, не разбирая, уплетает все, что ни поставит перед ней мать на стол, с такой же стремительной быстротой, как и весь облепленный колючками, с замызганным подбрюшьем и в черных чулках илистой грязи на ногах Ромка, громко лакающий в коридоре свою похлебку из алюминиевой чашки.

А потом опять за полночь светятся ее окна, падают блики света на кусты смородины, на слеги виноградных кустов, пронзая голубыми кинжалами мглу. И снова тот, кто в это позднее время проходит мимо их дома на яру, вправе подумать, что вот, значит, как весело, празднично и в будничные дни живут люди, если свет ярко горит у них в ночь-полночь и красивая, хватающая за сердце музыка не смолкает под крышей в любое время суток.

И, невольно замедляя шаги, этот проходивший внизу под яром человек вдруг сам начинал замечать, что звезды сегодня ночью высыпали на небе над хутором крупные, как никогда, напоенный запахами листвы, травы и Дона воздух такой, что им не надышаться, и вообще жизнь еще не прошла, она, можно сказать, еще только начинается. Словом, жить стоит, стоит.

На день или на два ей хватало этих тридцати строчек — и потом опять стеной смыкалась вокруг немота. Где он? Что с ним? Ничего хуже неизвестности нет.

15 июля.

Иногда так хочется поговорить с тобой. Давай поговорим немножко. И вообще мы теперь будем иногда разговаривать, хорошо? Ромка нам не помешает. Впрочем, ты можешь мне и не отвечать. Я сама буду отвечать за тебя словами, когда-то сказанными тобой, о которых ты, может быть, и забыл, но я их все помню, помню. Позволь мне эту маленькую вольность, и обещаю тебе никогда не говорить о музыке.

«— Мне трудно говорить о том, что я очень люблю. Если это выражение чувств к моей стране, к человеку, к музыке — я даже не могу говорить об этом».

— Мне это так понятно. Но о поэзии, по-моему, можно, несмотря на то, что...

«— Я очень люблю поэзию и сам, как говорится, в молодости грешил стихами».

— Мне бы очень хотелось знать хоть одно из них. Например, ту же «Степь», написанную тобой, кажется, в Килгоре.

«— Правильно это называется «Пустыня».

— Ты, наверное, имеешь в виду ваши степи? То, что у вас называется прериями, у нас — табунными землями. Ромка, замолчи, разве ты не видишь, что это всего-навсего коряга... И, кстати, я ничуть не удивилась тому, что твой самый любимый поэт — Пушкин. Странно, если бы было иначе.

«— Поэзия — говорящая музыка души... Главное, чтобы литература, искусство помогали человеку жить, совершенствоваться, творить добро, верить в будущее».

— Но все-таки наш разговор чем-то похож и на интервью. И это так грустно. Я сама виновата. Давай о чем-нибудь другом. Ромка, ты опять придешь домой весь в репьях. Марш назад!.. Знаешь, я очень смеялась, когда увидела в газете твой портрет в черкеске и в папахе. А что ты думаешь делать со своим грузинским кинжалом? Впрочем, я и так знаю: расправляться с рецензентами. Это ты хорошо придумал. Если ты не возражаешь, я арендую у своего отца казачью шашку, и мы займемся этим вдвоем. С ними только так и можно разговаривать. Например, с этим из «Музыкальной Америки». Как это он написал о романтизме твоей игры?

«— Я иногда удивляюсь, как с таким фатальным дефектом ему удалось победить на конкурсе...»

— Но не за этот ли фатальный дефект тебя и полюбили в нашей стране?! А вообще-то ты не обращай на них внимания. Я бы на твоем месте посмотрела на это как на похвалу. И слишком многого мы от них захотели. Генрих Нейгауз говорит, что погружение в чужое «я» возможно лишь в состоянии любви.

«— Если я что-то люблю, если мне что-то нравится, то я это люблю, как говорится, без оглядки».

— Но, по-моему, дорогой, и об этом лучше помолчать... Знаешь, у моего отца есть еще и кавказская бурка. Ее подарил ему один генерал, с которым они вместе служили на фронте, а этому генералу привезли ее на фронт дагестанские горцы вместе с черкеской и папахой. С точно такими же, какие подарили тебе в Грузии. И я знаю, что тебе не покажется странным, что я ранней весной и осенью, когда ночи холодные, люблю укрываться этой отцовской буркой на веранде, а зимой, когда мороз и ветер, иногда закутываюсь в нее и гуляю во дворе среди голых сох зарытого на зиму виноградного сада. У вас, должно быть, не зарывают на зиму виноградные лозы: тепло — а у нас зарывают. На минуту представь себе: все в снегу, одни голубые сохи стоят и — запах бурки на морозе. У меня есть свои любимые запахи, а у тебя? И всегда это с чем-нибудь связано... Как это ты сказал: без оглядки?

«— ...И если любовь должна быть долгой, крепкой, глубокой, сильной, то она должна быть чистой, простой, готовой на жертвы».

И еще был этот голубовато-мерцающий квадрат, на котором вдруг могла появиться его лохматая голова уже не с застывшей, как в журнале, а с живой детской улыбкой и его длинный тонкий силуэт с большими руками на клавишах рояля. Внезапно одно воспоминание вспышкой осветило Луговому и, как молния, прорезавшая ночь, соединяет Дон, остров, хутор на яру, соединило

то, что, казалось бы, несоединимо. Да, это был тот первый год, когда Наташа, где бы она ни была, спешила домой к часу, когда в угловой комнате зажигался экран телевизора. Не часто и Луговому удавалось вернуться к этому времени домой, но в этот субботний вечер, как всегда, раньше обычного закончился в совхозе рабочий день. Раньше вернулась с медпункта и Марина. Когда он пришел, было еще светло, но они уже сидели, закрыв ставни, в угловой комнате, и ему показалось — а теперь он вспомнил совершенно точно,— что, когда и он принес свой стул и поставил рядом с Наташиным стулом, она не обрадовалась ему. Она молча покосилась в его сторону и как будто даже сделала движение, чтобы отодвинуться со своим стулом.

И вот появился на экране о н — тогда не проходило дня, чтобы не появлялся он на экране или же не играл по радио. И теперь вдруг то, чему Луговой тогда не придал да и не мог придать значения, с мгновенной яркостью озарилось в его сознании, связавшись с тем последующим, что он успел узнать и перечувствовать за это время.

О н появился среди тех самых берез, которые так зримо выбегают из глубин русских лесов на берега рождающейся под его пальцами реки звуков. И вот у себя дома на этом чудесном и таинственно мерцающем экране, за тысячу километров от него, Наташа видит, как он утром выбегает в подмосковном лесу из своей п я т н а д ц а т о й дачи Союза композиторов в Рузе — в русской рубашке и весь взъерошенный.

Ну, конечно же, он только что играл. Но что же именно мог он играть?

Он поднимает к подмосковному небу лицо и широко раскрытые большие руки, как будто все это хочет обнять, и она слышит его восклицание:

— Ну чем не рай?!

Наташа вся затаилась. Она сидела ближе всех к экрану. Его запрокинутое лицо было совсем близко от ее лица, и она видит его ослепленные солнцем, изумленные глаза.

Ну, конечно же, играл он то самое «Посвящение» Шумана — Листа, которое она вчера весь вечер слушала у себя на веранде,— оно и сейчас звучит у нее в ушах.. «И никого больше здесь нет, в этом лесу и во всем мире, только он и она», самая ближняя из тех берез, что выбежали ему навстречу на залитую солнцем поляну. Никого больше нет, лишь они двое. И может ли быть, чтобы он сейчас не чувствовал ее?!

Из лесу до них обоих доносится голос кукушки. Он прислушивается, повернув кудрявую голову на тонкой шее, по-мальчишески выступающей из воротника рубашки, и спрашивает:

— Кукушка, скажи, сколько еще раз я приеду сюда?

Отсчитав всего три раза, вероломная кукушка удаляется куда-то в глубь леса. Но он, конечно, поверит не ей, а тревожным и радостным ударам того сердца, которое сейчас бьется совсем рядом с его сердцем... Много раз, бесчисленное количество раз, ровно столько, сколько ударится в колокол тишины это сердце.

А потом он идет по лесу с матерью, приехавшей на этот раз вместе с сыном в ту страну, которая так утвердила ее в ее материнских надеждах... Еще не старая женщина, в шляпе с широкими полями и в светлом летнем пальто. В подмосковном лесу и летом бывает прохладно. Теперь, когда он здесь вместе с матерью, он вполне счастлив, а когда после конкурса у него спросили в Москве, чего бы он теперь хотел, он ответил: «Хочу к маме». И когда он вместе с нею, он еще больше кажется ребенком. Над тропинкой в подмосковном лесу сосны вздымают кверху свои лохматые лапы. Он подпрыгивает и дотрагивается рукой до одной из них. Его мать весело смеется.

При этом Наташа не замечает (а Луговой теперь все так отчетливо помнит), как ее мать, взглянув в эту минуту на с в о ю дочь, встает и быстро выходит из той комнаты, где осколком неба в полумраке мерцает экран, создающий иллюзию близости сердец, на самом деле отдаленных друг от друга огромным расстоянием, бездной океана, и совсем незнакомых друг с другом.

...А потом Катя Сошникова приносит музыкальный журнал, и Наташа узнает из него, что играл он в тот день на даче в подмосковном лесу «Посвящение» Шумана — Листа.

---

16 июля.

Не могу быть счастливой, когда другие страдают. Кто бы только видел эту женщину с изможденным от зноя, тяжкого труда и вина лицом! Добрейшее существо. Готова отдать все. Любит меня, людей. Так обижена жизнью, а любит. Вот у кого надо учиться любви к людям, не показной, а глубокой, сердечной, искренней. Не завидует тем, кто живет лучше. Насколько чище и выше нас во всех отношениях! Разве только она виновата, что пьет? Как можно осуждать человека, который зимой, в жуткий мороз, по пояс в снегу отнапывает деревья, а летом тяпает под палящим солнцем, чьи руки изъедены купоросом, а пятки похожи на толстые подошвы! Мы, встревоженные пустяковым порезом, не обращаем внимания на жуткие раны. Воистину чужое не болит. А должно болеть. А я? А я искренне пишу в дневник или напоказ? Как отличить показное от искреннего?

Вот к чему приводит, когда дети присутствуют при разговорах взрослых... И это он тоже хорошо помнит — это было в середине июля. Лето в разгаре. Как и всегда, в это вечернее время по хутору поют песни,— казаки не могут без песен. Но громче всех поют во дворе у Махоры,— значит, опять гуляет три дня, пока не выполнит своей нормы. А через три дня опять придет на медпункт к врачу Марине Николаевне Луговой за бюллетенем и ничуть не обидится на нее, получив отказ, потому что и сама знает: не имеет права. И тогда она придет в контору совхоза к замещающему больного директора главному агроному Луговому с просьбой допустить ее до работы — в последний раз. И он опять допустит ее в последний раз, и потому что у Махоры золотые руки, никто лучше ее не умеет чеканить и опрыскивать виноград, и потому что дети совсем неповинны в том, что у них такая мать. А когда потом Наташа зайдет к ее дочери, своей задушевной подружке, Махора будет с уважением говорить, что у Наташи строгая, но справедливая мать, а вот отец ее — Махорин к о р е ш, потому что они г о д к и, о б о е шестнадцатого года.

— Ну и голосистая же Махора,— невольно вслушиваясь в песню, говорит Луговой и смолкает, едва не поперхнувшись борщом, срезанный взглядом Марины, молча указавшей ему глазами на Махорину дочку Валю, которая сидит тут же, за столом, обедает с ними. Только что с Наташей они переплыли с левого берега Дона, где тяпали совхозную картошку, и теперь, не поднимая голов от тарелок, дружно подбирают все, что появляется на столе, обе угольно-черные от загара.

Луговой и сам видит, что получилось нехорошо. Валя при его словах еще ниже склонилась над тарелкой — она и сама слышит, что ее мать опять гуляет, иначе бы она не повизгивала так в конце каждого куплета песни. И Луговой спешит хоть как-то исправить свою вину.

— А все-таки хороший, Валя, у твоей матери голос,— заискивающе говорит он. сразу же с ужасом убеждаясь, что впал в еще более тяжкую ошибку.

— Спасибо,— оставив свою ложку в тарелке с недоеденным к у л е ш о м, говорит Валя и, встав из-за стола, идет к воротам. Наташа с полными отчаяния глазами бросается вслед за ней.

Вот тут-то с новой силой и вспыхивает между главным агрономом совхоза и заведующей медпунктом конфликт, все время тлеющий между ними.

— Полюбуйся теперь на результаты своего милосердия,— уничтожающе говорит Марина, начиная убирать со стола тарелки и ложки.

— Почему? — с некоторым смущением спрашивает Луговой, хотя и наперед знает, ч т о она будет отвечать.

Тарелки начинают бренчать у нее в руках.

— Ее вы все там,— она коротко кивает в сторону совхоза,— жалеете, а она своих детей не пожалела. Две старшие дочери от такой матери поспешили поскорее замуж выскочить, так и не доучились, бедная Валя от стыда боится людям в глаза взглянуть, а теперь уже и маленькая Шурка начинает страдать. Десять часов вечера, ребенку пора спать, а она бегает по хутору от двери к двери и спрашивает: «Вы не видели, где моя мамка?»

— Но что же нам теперь с нею, с Махорой, делать? — спрашивает Луговой.

Тарелки и ложки уже не бренчат в руках у Марины, а угрожающе грохочут.

— Посадить в красный угол и продолжать воспитывать: Махорочка, у тебя несчастная семейная жизнь. Махорочка, мы понимаем, что ты больна.

— А как ты считаешь? Как врач?

— Я не только врач, но еще и мать. И тут выбора нет: или ее продолжать жалеть, или ее детей. А если и больна, то нельзя же, чтобы она своим поведением заражала здоровых. У нее что ни вечер — гулянка, новые мужчины.

Луговой давно уже знает, что правда на ее стороне, и все-таки ему кажется, что это не вся правда.

— По-своему она тоже несчастна.

— Как хочешь, а этого я не понимаю и никогда не пойму. Я всегда думала, что человек сам кузнец своего счастья. И если человек сам не хочет счастья ни себе, ни своим детям, то ни партком, ни местком, ни вся дирекция с главным агрономом в том числе помочь ему не смогут.

Все это время, пока они спорят, из Махориного двора по вечернему хутору продолжает разноситься печальная песня:

До свиданья, милая Маруся,
А я к тебе больше не вернуся.

Голос у Махоры размякший, умиротворенный, а вечер так тепел, тих, так мягко овеян запахами земли, садов и Дона, что у Лугового никак не поворачивается язык признать свою неправоту.

— Ну, значит, остается только один выход: ее в судебном порядке выслать из хутора, а детей определить в интернат. Но ты же сама понимаешь...

Прерывая его, Марина разражается целым потоком гневных слов:

— Да, да, я все понимаю! Я черствая, жестокая, я хочу разлучить детей с их родной матерью и загнать человека на край света, в Сибирь, а ты... ты добрый! Вы все тут добрые: и партком, и местком, и вся дирекция в лице ее милосердного главного агронома! Ну и пусть!

И, неожиданно обрывая этот разговор, она поднимает со стола груду перемытых тарелок и уходит в дом. Только после этого он замечает, что Наташа, проводив Валю, давно уже вернулась на свое место за столом, и, значит, она слышала все. Теперь просочилось из-под корки памяти и то, что она ни разу не вмешалась, сидела притихшая и большеглазая, позабыв снять с головы венок из бессмертников, который она сплела, работая на огороде за Доном. И потом вдруг она сорвалась с места и убежала в дом. А из Махориного двора разносится по хутору и летне неподвижному Дону:

Пойдем с нами, с нами — казаками...

Нехорошо, когда дети слышат разговоры взрослых. Не тогда ли и появились у нее в тетради эти бурно набросанные карандашом слова: «Не могу быть счастливой, когда другие страдают».

Что-то горячее вдруг прихлынуло к сердцу Лугового. Ему показалось, что он всю жизнь ждал этих слов. Так он же и сам всегда так думал, если не такими словами, то о том же самом. А еще Скворцов бранит их, называет всех эгоистами, думающими только о себе, далекими всех чужих радостей и тревог.

Выросла дочь, непохожая на своих отца и мать и, конечно же, уходящая от них вперед по своей дороге,— а как же может быть иначе,— но с сердцем, отзывающимся все на те же колокола участия, сострадания, любви.

И все же не во всем был он с нею согласен. Если бы она была здесь, не исключено, что и поспорил бы с нею. Впрочем, это он скорее спорил бы с самим собой. В Маринином отношении к Махоре была своя непреложная правда. Конечно, нельзя было позавидовать Махориной судьбе: от нее ушел муж, а теперь откачнулись и дети. Но, как женщина и как мать, Марина имела право судить Махору своим судом. Может быть, Наташе этот суд и покажется слишком суровым, но тогда, значит, надо признать Махору, мать, совсем невиновной перед ее шестилетней дочкой, которая и в десять и в двенадцать часов ночи стучится в двери чужих домов: «У вас нет моей мамки?»

А еще, Наташа, твоей матери и как врачу просто чаще приходится сталкиваться с тем, как по вине взрослых страдают дети.

Листая дневник, Луговой и сам не заметил, что давно уже разговаривает с Наташей так, как если бы она была сейчас не в Москве, а здесь, рядом... Не меньше моего, Наташа, ты знаешь, что то самое кружево тропинок, которое со всего хутора сходится к домику медпункта, сплетено больше всего женщинами, и все они несут туда твоей матери не только свои болезни, но и женские тайны. А женские семейные тайны так или иначе всегда связаны с детьми. От семейных неурядиц чаще всего и страдают дети. И можно, Наташа, наверняка сказать, что, если бы у всех этих женщин спросили сейчас о Махоре, ни одна из них не оправдала бы ее за то, что ее дочка в ночь-полночь стучится своим кулачком в чужие двери.

И ты бы, Наташа, пожалуй, осталась в одиночестве. Никто из них так и не понял бы сейчас твоей доброты к Махоре, как не разделяют они и поведения твоего отца, который столько раз уже прощал и продолжает прощать ее — в самый последний раз.

Но все-таки я почему-то радуюсь, читая эти твои строчки. Почему? Об этом у нас мог бы состояться большой разговор, если бы ты и правда была бы сейчас здесь, рядом. Мать не помешала бы нам, как никогда не мешает она мне читать твой дневник, делая вид, что она ни о чем и не подозревает. Так я и поверил!

Но, к сожалению, все это неосуществимо. И это я только сам виноват, что у нас сейчас не может состояться тот разговор, который давно уже мог состояться.

Так на столе у него рядом с одной тетрадью появилась еще и другая. Ее тетрадь — коричневая, как распаханный осенью тракторными плугами каштановый чернозем за буграми в степи, а его — в серебристо-серой обложке, как то же самое пахотное поле, но притрушенное сейчас крупнозернистым снегом. И впервые медленный шелест страниц одной тетради, той, что слева, сплелся с быстрым шорохом карандаша по страницам другой. Прошелестит — и снова зашуршит карандаш. Удивительно похоже на то, как шуршит на зимней дороге поземка, а еще больше, как летом шуршит на берегу Дона песок. Волна, поднятая винтом прошедшего мимо судна, откатилась обратно, и теплый донской песок долго вбирает, всасывает в себя воду. И долго еще бывает слышно, как разговаривают между собой эта донская пресная вода и донской же песчаный берег.

Шуршат страницы, скребется снег по оконному стеклу. Марина спит в той самой комнате, куда обычно перебиралась и Наташа с веранды, когда там даже и отцовская бурка не могла ее согреть. Страница за страницей ложатся одна на другую. Тетрадь толстая, и исписала она ее почти до конца. Почерк у нее и вообще неразборчивый, к тому же писала она не для того, чтобы кто-нибудь читал, но особенно трудно разобрать, когда она куда-нибудь задевает свою авторучку, а может быть, забудет заправить ее чернилами и переходит на карандаш.

И все-таки с каждой страницей он все увереннее разбирает ее руку.

17 июля.

Почему я пишу дневник? Быть может, на бумаге я смогу удержать тот восторг, который для меня есть в 5-м Бетховена, в тревожных, трагичных темах 1-й части концерта Брамса? Если заглянуть в этот оранжевый с черными крапинками цветок лилии, то хочется в его мир, в этот волшебный запах. Какое таинство в кустах-чащах винограда, в тишине Дона, в заре утра? Почему, ощущая их, страдаешь от неполноты чего-то? Высь туманная, поникшие ветки куста, мой здешний мир! Всего этого мне не будет хватать в Москве.

Но иной жизни не может быть.

18 июля.

Как обидно, что на бумаге я не могу изложить и десятой доли того, что чувствую. Вот как, предположим, передать то чувство, которое я испытала, увидев сегодня теплоход «Композитор Скрябин»? Это какая-то умиленная благодарность людям, чтящим неповторимое. А еще потом увидела на берегу босоногую девчонку. И вспоминала свое детство. Мир, полный прелести и обаяния, был во всем: в стекляшках, в клумбе цветов, в кусте винограда.

Как-то странно, что в дневнике я не пишу о своих любимых писателях, поэтах, композиторах. Боюсь говорить об этом. Да и не смогу целиком передать мой мир. Только по частицам. Все так бессвязно и понятно только мне.

Меня преследует тема си-минорной сонаты Шопена. Тема моей любви. Каждый ее звук, каждое напоминание вызывает желание быть с ним. Бывает ли в жизни такое счастье, как в музыке? Но в музыке оно неуловимо и потому прекрасно. Счастье вообще неуловимо. Его нельзя почувствовать, а можно понять только тогда, когда оно покидает тебя.

19 июля.

Чехов изумителен, неповторим, чуток! Сегодня снова прочла «Степь». То, что чувствуешь наедине с природой, с небом, то, что есть в душе, но не в силах выразить, он передает. А как тонко, поэтично, зримо! Запах трав, жизнь степи, шелест ветра, и это наше небо с крупными, манящими своей загадкой звездами. Какой необычный дар! Последнее время меня совсем не интересуют книги, так сказать, с завязкой. Раньше читала запоем фантастику, приключения. Конечно, и в них тоже какая-то своя прелесть, особенно у Купера, Рида, Верна. А сейчас ищу в книгах мир, близкий мне. И в основном нахожу его в русской классике. Я окунаюсь в мир нашей природы, быта. Все такое близкое, особенно у Гончарова в «Обрыве», у Тургенева, у Чехова, Толстого, Пушкина... Достоевского пока мне трудно понять. Тяжел мне этот мир Девушкиных, Мышкиных. Хочется света, свободы. Как в «Войне и мире». Сколько прекрасного создано людьми! Пожалуй, я даже благодарна за этот год. Столько узнала! Кажется, встала на верный путь. Не сойти бы.

20 июля.

Почувствовала себя сегодня такой маленькой-маленькой. И мама вдруг стала близка. Такие звезды, месяц! Как в детстве.

21 июля.

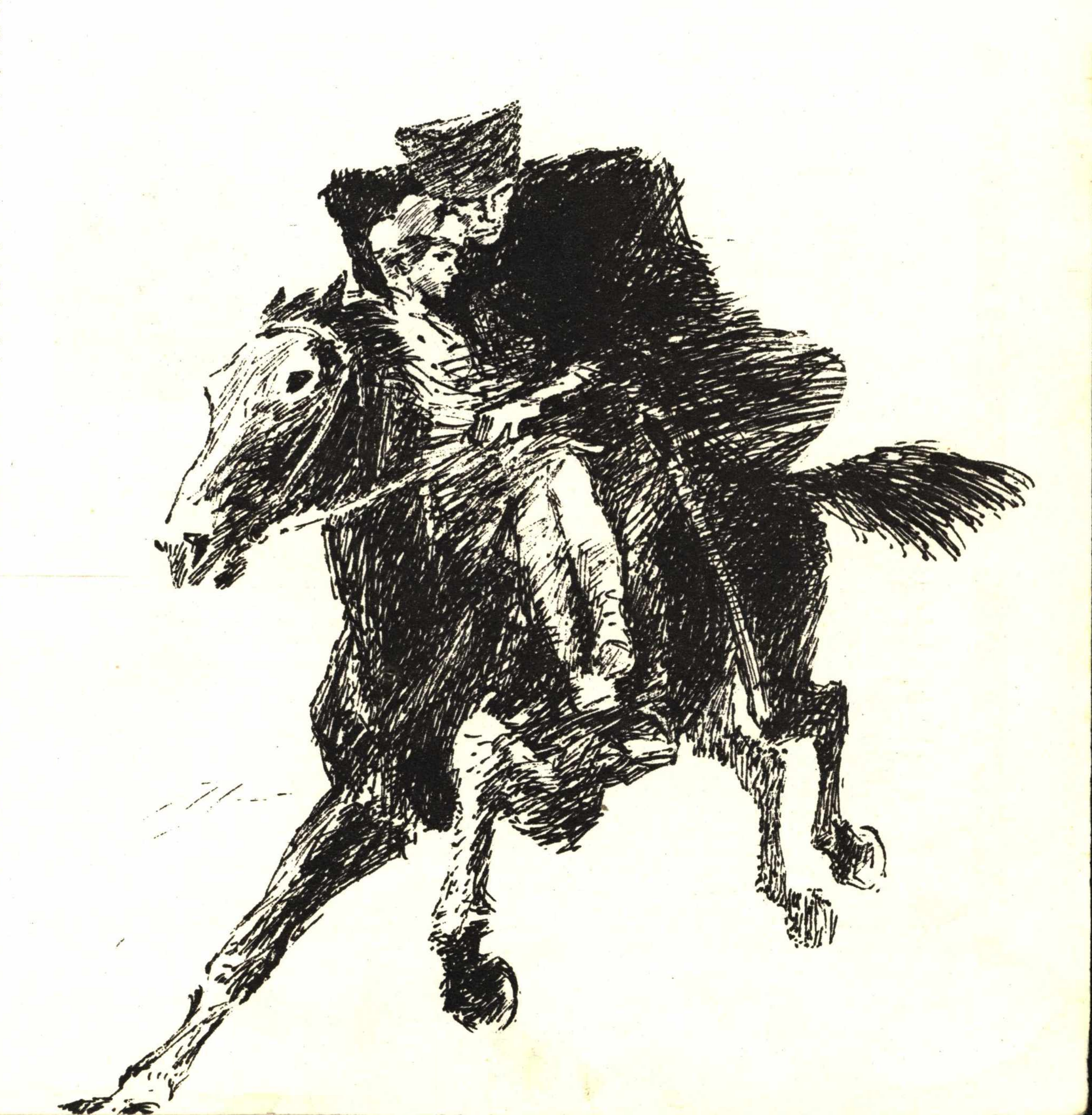
Нейгауз говорит, что любовь встречается реже гения. Да, как все странно. Появился он, далекий, и стал самым близким, единственным.

Тогда, на конкурсе, он был совсем мальчишкой. И потом через два года улыбка, как у беспомощного ребенка, восхищающегося открывшимся ему миром. И вот в 62-м ужасная усталость на лице, боль в светлых чутких глазах. Эта боль передалась мне. Ибо хочу даже в темноте могилы знать, что ему хорошо, что он жив.

22 июля.

Милый мой, как ты нужен мне! Именно сейчас жажда, жажда быть рядом с тобой, а потом хоть умереть. Я вообще хочу любить, умираю без любви, но, кроме тебя, мне никто не нужен. Как мне сегодня было больно, сладко. Когда рядом другой человек, любовь которого можно завоевать, такая тоска по тебе, жизнь моя!

Окончание следует.

ПРОТОТИПЫ ИГРУШЕК

Перед вами не плюшевые львята, а настоящие. Сфотографированы они в Будапештском зоопарке спустя неделю после рождения.

РАДИ РЕКЛАМЫ

Артист одного из лондонских мюзик-холлов решил привлечь к себе внимание таким весьма странным способом. На мосту Челси, перекинутом через Темзу, собрались любопытные.

ЗА РУЛЕМ КАРЛИКА

Манекенша Мари Рени демонстрирует на улицах Лондона машину-малютку, которая движется с помощью электромотора.

— Теперь наша химчистка выполнит план.

Рисунок О. Корнева и Н. Станиловского.

Лесора

Сергей **ВОРОНИН**

Картинка с натуры

ПРОТИВ ВЬЮГИ

Весна в этом году в США выдалась необычно вьюжной. Предприимчивые дельцы стали выпускать маски, предназначенные для защиты лица от метели.

ПО МОРЯМ И ОКЕАНАМ

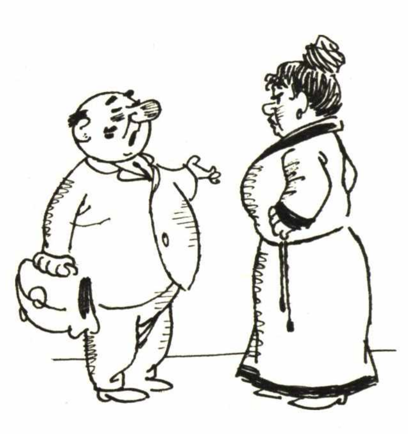
Аленушка и братец Иванушка вместе с Бабой Ягой, Насреддином и другими персонажами из сказок ждут посадки на трансатлантический лайнер «Александр Пушкин». Куклы украсят витрины теплохода, который совершит рейс в Канаду с туристами, направляющимися на всемирную выставку «ЭКСПО-67».

Это большое семейство кукол создали преподаватели и воспитанники Ленинградского высшего художественного промышленного училища.

В. Кривошеин

Перефразируя Пушкина

Пойдет налево — песнь заводит, направо — сказку говорит.

Рисунок Б. Боссарта.

СОБАКИ В ОРКЕСТРЕ

В партитуре «Охотничьей симфонии» Леопольда Моцарта записан собачий лай. Нью-йоркский оркестр решил точно следовать нотам. Для этого в нужный момент мимо оркестра провели свору собак, которые добросовестно исполнили свой номер.

— Мама! Посмотри, кого я нашел в песочке.

Рисунок Б. Боссарта.

Это маленькое событие произошло на одном полустанке неподалеку от Ленинграда. На перроне в ожидании электрички собрались пожилые колхозники. Павел Харлампиев, широкогрудый мужик, браво рассказывает о том, как ему однажды пришлось идти в разведку, как он пошел, взял «языка», но «язык» не пожелал идти, и тогда Павел, связав его, потащил волоком, за ноги, в свою часть.

Колхозники, слушая, добродушно посмеивались. Все они были из ближайших деревень и знали друг друга.

— Что ж, может, оно и было так,— сказал маленький старичок в фуражке.— Но вот если бы на твоем месте был Прохор Антипыч (ты не знавал его, тебя еще и на свете не было), так вот он на себе бы запросто принес твоего «языка». Ведь какое дело было с ним! Поехал однажды он в Молосковицы за мукой, а на пути ему брат встреться. Вот брат и говорит: «Экая досада, а мне, Прохор, лошадь позарез нужна, хочу лес возить». «Ну, нужна, так возьми»,— отвечает ему Прохор Антипыч и отдал лошадь. А сам пеший зашагал дальше. Вот пришел он, купил мешок муки, а в ем, в мешке-то, пять пудов, взвалил его на плечо и понес. И нес его без передышки до Извозу, а пути до Извозу пятнадцать верст. Вот каков был человек! Теперь таких силачей нет. Вывелись, — с сожалением сказал старичок.

Помолчал, ткнул согнутым пальцем в вагонную рессору, лежавшую на междупутье, и добавил:

— Эту лесору-то он бы единым духом поднял. А в ей, поди, пуда четыре будет.

Колхозники внимательно посмотрели на рессору. Кроме Павла, их было еще пятеро. Среди них особенно выделялся ростом Николай Звягин, кузнец из деревни Ручьи. Он усмехнулся и посмотрел на Павла.

Павел расправил плечи, соскочил с перрона и, ухватив рессору за концы, оторвал ее от земли, сгоряча вскинул на грудь, но выжать не смог.

Старичок тоненько засмеялся.

— А вот если бы Прохор Антипыч, он ее как пушинку бы... Нет, такого человека теперь нету. Вывелись.

Николай Звягин отбросил окурок и медленно, вразвалку подошел к рессоре. Плюнул на руки, по-деловому вцепился в нее. Поднял. Положил на грудь. И, напрягаясь так, что у него побагровела шея, вскинул рессору над головой. Опустил. Еще раз вскинул. Опустил. Хотел еще раз выжать, но не смог и отбросил.

— Эва, видал, видал! — закричал старичку рыжеусый мужичонка с подвязанной черным платком щекой.— А ты говоришь, силачов нет. Эвон, возьми его! Если б у меня не зубы, я и сам попытал бы ее поднять. Только боюсь, как бы в нерв не ударило.

Но старичок нисколько не смутился.

— Что ж, он два раза только и поднял, а будь здесь Прохор Антипыч, он бы разов двадцать поднял бы ее, лесору-то!

Мужичонка с подвязанной щекой замолчал.

— Или вот такой случай был,— еще больше оживился старичок.— Жили у нас Фроловы, три сына с батькой. Вот как-то приехал к нам в село борец-силач. Вот он покидает гири, вот цепи на своей груди рвет, а потом и говорит: «Кто пожелает меня перебороть, тому сто рублев серебром плачу». И ходит, показывает на руке мускул.

Ну, братаны и говорят Николаю, младшему Фролову: иди, дескать, Колька, чего он похваляется. А надо сказать, Николай пни в одиночку ворочал. Бывало, ухватится за пень и вывернет его, как все равно зуб вырвет. Ну, Николай пошел. Борец ему: «Каким манером будем бороться, по-французски али как еще?» А Николай ему: «Я,— говорит,— окромя как в охряпку не умею». Да как взял его в охряпку, да как поднял, да как трахнул его ногами об пол, так у борца-то ноги по колена в пол ушли... Николай-то, пожалуй, одной бы ручкой поиграл с этой лесорой...

В эту минуту из дверей вокзала вышел молодой, осанистый паренек. Он спрыгнул с перрона и легко, словно портфель, сунул рессору под мышку и пошагал по шпалам.

Все несколько секунд обалдело смотрели на него. Первым пришел в себя мужичонка с подвязанной щекой.

— Эй, друг! — крикнул он.

Парень оглянулся.

— Ты куда пошел-то?
— А что?
— Да ведь она тяжелая!
— Ну и что?
— Так куда несешь-то?
— Да вон за ту беседку, на склад,— ответил парень и пошел, широко шагая, к беседке, которая еле виднелась у семафора.

Колхозники дружно засмеялись. И громче всех мужичонка с подвязанной щекой.

— Видал, а? Видал? — совался он к старичку.

— Ну и что, ну и что?.. А вот ежели б, ежели б Прохор Антипыч или Николай Фролов...

Но его уже не слушали. К тому же из-за леса показалась электричка.

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ ПОЕЗДОВ

В Великобритании живет около сорока тысяч коллекционеров поездов. Конечно, речь идет о моделях, хотя некоторые из них такой величины, что могут перевозить людей.

— Почитайте пока.

Рисунок В. Бланкмана и Н. Станиловского.

ЭЛЕКТРОНИКА И ВОРЫ

В некоторых магазинах Нью-Йорка, где участились случаи кражи одежды, в ткань вплетают пластмассовую нить, излучающую электронные импульсы. При выносе похищенной вещи особое устройство у входа реагирует на импульсы и поднимает тревогу.

— Что вы делаете?
— Пытаюсь остановить такси.

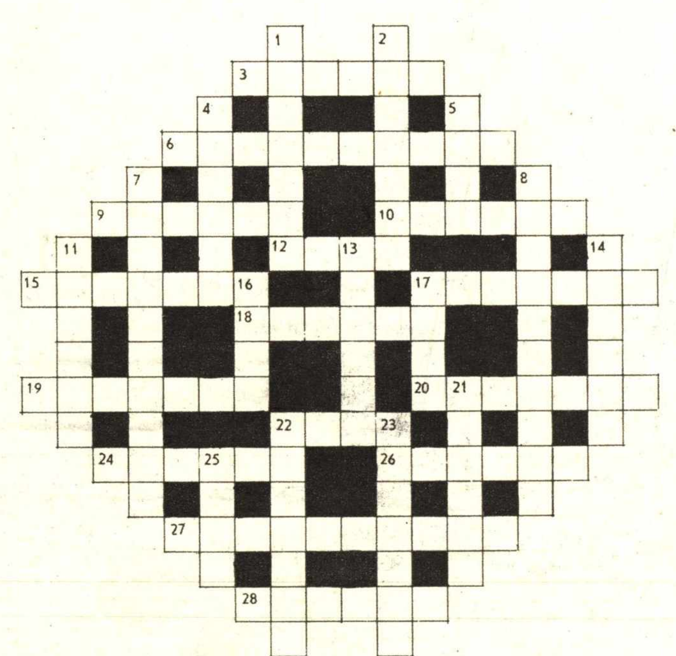
Рисунок Е. Шабельника.

ШАГИ ПОБЕДЫ

Уверенно, от матча к матчу, шли к блистательной победе советские хоккеисты.

9:1—с таким крупным счетом закончилась встреча СССР—Швеция. Иначе, как вдохновенной, не назовешь эту игру. Стремительность, мужество, высокая техника—все эти черты, присущие нашей команде, достигли здесь апогея!

Фото Н. Козловского.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Проводник судов. 6. Итальянский композитор XVI—XVII веков. 9. Разновидность гонга. 10. Скульптурное украшение. 12. Озеро на Суматре. 15. Область в Италии. 17. Призвук. 18. Английский писатель-юморист. 19. Крепостное укрепление. 20. Футляр для фотографической пленки. 22. Вид спорта. 24. Столица Турции. 26. Электрический разряд. 27. Устройство для автоматического выбрасывания летчика. 28. Остров в Средиземном море.

По вертикали:

1. Предприятие связи. 2. Спортивный инвентарь теннисиста. 4. Французский поэт и драматург. 5. Река, впадающая в Бискайский залив. 7. Морское грузовое парусное судно. 8. Повесть А. С. Пушкина. 11. Персонаж оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 13. Пушной зверь. 14. Денежный металлический знак. 16. Порт на берегу Аравийского моря. 17. Областной центр в РСФСР. 21. Научно-фантастическое произведение А. Н. Толстого. 22. Вершина Главного Кавказского хребта. 23. Цветное стекло для мозаики. 25. Полудрагоценный камень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

4. Джабарлы. 8. Кувшинка. 9. Барбадос. 11. Брусок. 14. Магма. 16. Попов. 18. Тренер. 19. Сатуратор. 21. Шишков. 22. Багет. 23. Осмий. 25. Нарвал. 27. Оклахома. 28. «Птицелов». 30. «Светлана».

По вертикали:

1. Карун. 2. Нарзан. 3. Алгебра. 5. Суворов. 6. Пирометр. 7. Воскресенье. 10. «Псковитянка». 12. Сова. 13. Кочубей. 14. Мегафон. 15. Кета. 17. Очко. 19. Свислочь. 20. Обер. 22. Браслет. 24. Иваново. 26. Спарта. 29. Инвар.

На первой странице обложки: Абдулло Соодатшоев, памирский школьник.

На последней странице обложки: Нурек. Створ будущей плотины.

Фото Л. Шерстенникова.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00362. Подписано к печати 29/III 1967 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 2 050 000. Изд. № 580. Заказ № 869.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663